

Блестящий мир, который показывает все великолепие
человеческого милосердия и порочности.

18+

КЕН ЛЮ

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

fanzon

БОГ ВЕРНЕТСЯ, КОГДА ЗЕМЛЯ
И НЕБЕСА СОЛЮТСЯ ПОД СВЕТОМ
ЧЕРНОГО СОЛНЦА

РЕБЕККА
РОАНХОРС

Ребекка Роанхорс
Черное Солнце
Серия «Fanzon. Наш выбор»
Серия «Между землей
и небесами», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68448164
Ребекка Роанхорс. Черное Солнце: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-176546-0

Аннотация

Alex Awards.

Ignyte Awards.

Shaded Choice Awards.

Финалист премий Hugo, Nebula, Locus, Dragon, Lambda, Goodreads.

В священном городе Това ждут праздника зимнего солнцестояния. В этот раз он должен сопровождаться затмением – редким явлением, нарушающим равновесие мира. Пользуясь этим, угнетенный клан Черных Ворон, пострадавший от жестокости жрецов, решает свершить месть. Черные Вороны ждут своего возрожденного Бога-Ворона, обещанного пророчеством, а в небесной башне жрецов зреет переворот.

На корабле же, ведомом сквозь шторм женщиной-тиком, чья Песнь успокаивает море и пленяет разум, плывет в Тову единственный пассажир – слепой юноша, покрытый ритуальными шрамами.

«Блестящий мир, который показывает все великолепие человеческого милосердия и порочности. Эпический глас нашего континента и нашего времени». – Кен Лю

«Захватывающе!» – Ребекка Куанг

«Абсолютно потрясающе». – Шеннон Чакраборти

«Прекрасно продуманный сеттинг со сложной динамикой персонажей и многоуровневыми политическими интригами. Совершенство!» – Kirkus Review

«Это был Мартин, это была Джемисин, а теперь – Роанхорс». – Стивен Грэм Джойс

«История о приключениях, пророчестве, политике и магии... Захватывает с первой страницы». – Cosmopolitan

«Мастрид для фэнов Джемисин и Мартина, которые хотят более экзотического мира». – Booklist

«Автор, перевернувшая американскую научную фантастику, фэнтези и хоррор». – The New York Times

Содержание

ЖИТЕЛИ МЕРИДИАНА	7
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	48
Глава 4	56
Глава 5	79
Глава 6	91
Глава 7	103
Глава 8	109
Глава 9	120
Глава 10	131
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Ребекка Роанхорс

Черное Солнце

Rebecca Roanhorse

BLACK SUN

Copyright © 2020 by Rebecca Roanhorse Saga Press, a Division of Simon & Schuster Inc., is the original publisher

Cover art © by John Picacio

© К. Янковская, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Для того техасского дитя, что всегда мечтал

об этическом

ЖИТЕЛИ МЕРИДИАНА

. ГОРЫ ОБРЕГИ .

Серапио – воплощение Бога-Ворона

Саайя – мать Серапио

Маркал – отец Серапио

Пааде – первый наставник Серапио

Иди – вторая наставница Серапио, дева-копейщица

Поваге – третий наставник Серапио, Нож

. Город Кьюкола .

Ксиала – капитан, моряк, по происхождению – тик

Келло – старший помощник, моряк

Пату – кок, моряк

Луб – моряк

Бейт – моряк

Полок – моряк

Атан – моряк

Балам – торговый правитель

Пек – торговый правитель

. Город Това .

Наблюдатели

Наранпа – Жрец Солнца, Орден Оракулов (гаваа)

Иктан – Жрец Ножсей, Орден Ножсей (тицийо)

Аба – Жрец Помощи, Орден Исцеления (сээги)

Хайсан – Жрец Записей, Орден Истории (тадисса)

Кьютуэ – бывший Жрец Солнца (умер)

Эче – Адепт, Орден Оракулов

Квайя – Адепт, Орден Исцеления

Дия – прислуга

Леайя – прислуга

Кланы, Созданные Небесами

Ятлиза – матрона, Черная Ворона

Око – сын Ятлизы, Черная Ворона

Иса – дочь Ятлизы, Черная Ворона

Чайя – капитан Щита, Черная Ворона

Маака – предводитель Одохаа, Черная Ворона

Ашк – грум, Черная Ворона

Фиэ – целитель, Черная Ворона

Кутца – гигантский Ворон

Бенунда – гигантский Ворон

Пайда – гигантский Ворон

Айайюэ – матрона, водомерка

Айше – водомерка

Заиш – водомерка

Тиоде – водомерка

Паипаи – гигантская водомерка

Нуума – матрона, Беркут

Пейана – матрона, Крылатый Змей

Засушливые Земли (Без клана)

Денаочи – брат Наранпы

Акел – брат Наранпы

Джсейма – отец Наранпы

Затайя – ведьма

Ибо ты заместитель, заместитель Тлок Нуака, Повелителя того, что вблизи и что вдали. Ты престол его (трон, с которого правит он), ты флейта его (уста, которыми он глаголит).

Он говорит в душе твоей, Он создает тебя своими устами, своим ртом, своими ушами... И создает он тебя своими клыками, своими когтями, Ибо ты его зверь, его пожиратель людей. Ибо ты судья, посланный им.

Флорентийский кодекс, книга 6, параграф 42

Глава 1

Горы Обреги

315 год Солнца

(за 10 лет до Конвергенции)

О Солнце! Обжигашь ты столь жестоко!

Углями стала плоть в цвет оперенья,

Неужели ты забыло о милосердии?

Из Избранных стенаний Ночи Ножей

Сегодня он станет богом. Так сказала ему мать.

– Выпей, – сказала она, протянув ему высокую узкую чашу, наполненную светло-кремовой жидкостью. Принюхавшись, он почувствовал запах оранжевых цветов с медовой сердцевинкой, что цеплялись усиками за его окно. А еще он почувствовал землистую сладость колокольчиков, что мать выращивала в саду на заднем дворе – в том самом саду, где ему никогда не позволялось играть. И еще он знал: там было что-то, что он не мог почуять в этом напитке, что-то тайное, что-то, что явилось из сумки, которую она носила на шее, и отчего побелели кончики ее пальцев и его язык.

– Выпей сразу, Серапио, – повторила она, на миг прикоснувшись ладонью к его щеке. – Его лучше пить холодным. На этот раз я добавила больше сладости, так что тебе будет

легче пить.

Он вспыхнул, смутившись из-за упоминания о том, как его вырвало в прошлый раз. Утром она тоже предупреждала, что зелье надо выпить залпом, но тогда он проявил нерешительность, просто отхлебнул – и его стошнило месивом молочного цвета. На этот раз он хотел доказать, что достоин большего, что он не какой-то трусливый мальчишка.

Дрожащими руками он схватил чашу и под пристальным взглядом матери поднес к губам. Напиток был мучительно холоден, но, как она и обещала, слаще утреннего.

– До дна, – упрекнула она, когда у него перехватило горло и он начал опускать чашу. – Иначе этого будет недостаточно, чтоб заглушить боль.

Чтобы осушить сосуд, ему пришлось запрокинуть голову. Желудок запротестовал, но мальчик смог с ним справиться. Десять секунд прошло, затем еще десять – и он победоносно вернул пустую чашу обратно.

– Мой смелый маленький божок. – Ее губы изогнулись в улыбке, и от этого он почувствовал себя счастливым.

Она поставила чашу на стол неподалеку, рядом с охапкой хлопчатых шнуров, которыми позже свяжет его. Он бросил короткий взгляд на шнуры, костяную иглу и нити из кишок. И это все было приготовлено для него.

Несмотря на холод, царивший в комнате, у него на лбу выступила испарина, от которой темные кудри прилипли к голове. Он был храбр – настолько, насколько может быть храб-

рым двенадцатилетний мальчишка, – но один только взгляд на иглу заставлял его желать, чтобы обезболивающее зелье действовало как можно скорее.

Мать заметила его беспокойство и ободряюще похлопала по плечу:

– Твои предки гордятся тобой, сын мой. А теперь... улыбнись для меня.

Он подчинился, показав ей зубы. Она же взяла маленькую глиняную миску и обмакнула в нее палец – кончик окрасился в красный. Затем жестом велела приблизиться, и он наклонился к ней, позволяя втереть краску ему в зубы. Та была безвкусной, но ему вновь и вновь вспоминались насекомые, которых мать перетирала с ореховым молоком, когда делала краску. Одинокая капля, похожая на кровь, упала на колени женщине. Она нахмурилась и стерла ее ладонью.

На матери было простое узкое черное платье с длинным подолом, касающимся пола, и без рукавов, так что сильные коричневые руки оставались открытыми. Черные волосы длиной до пояса свободно рассыпались по спине, а на шее был воротник из иссиня-черных вороньих перьев, кончики которых были выкрашены в красный цвет – как и его зубы.

– Твой отец думает, что он может запретить мне носить эти одежды. – Она произнесла это спокойно, но мальчик услышал в ее голосе нотки боли, появившиеся от многих лишений и печалей. – Но он не понимает, что это путь моих предков, и до них – их предков. И он не может запре-

тить женщине из рода Черной Вороны нарядиться в честь Бога-Ворона, особенно в столь святой день, как сегодня.

– Он просто боится, – обронил мальчик, и слова сорвались с его губ раньше, чем он подумал об этом: должно быть, зелье развязало ему язык, иначе он бы никогда не осмелился произнести это вслух.

Мать сморгнула, очевидно удивленная его откровением, а затем пожала плечами.

– Возможно, – согласилась она. – Обреги боятся многих вещей, которых они не понимают. А теперь стой спокойно, пока я не закончу.

Она работала споро, окрашивая его зубы в глубокий карминовый цвет, – до тех пор, пока не стало казаться, что его рот наполняет кровь. Она засмеялась – ее зубы были такими же. Отец прав, что так боится ее, вдруг подумал мальчик. Она выглядит свирепой, могущественной. Прислужницей бога.

– Как твоя спина? – поинтересовалась она, возвращая чашу с краской на стол.

– Отлично, – соврал он. Еще до рассвета она вырезала ха-аханы у него на спине: подняла его из постели, поднесла ему первую чашу обезболивающего зелья и сказала, что время пришло. Он покорно перевернулся на живот, и она начала.

Она использовала особый клинок – он подобного никогда не видел: тонкий, изысканный и очень острый – и при этом все время разговаривала с ним, рассказывая, что, если бы он

был со своим кланом, любимые дяди или двоюродные братья постепенно, небольшими кусочками, в течение нескольких месяцев или даже лет, вырезали бы ему хааханы, но сейчас уже не осталось времени, и потому это сделает она, сегодня. Затем, вырезая изогнутые линии – намек на вороньи крылья – на его плечах и вниз по боковым мышцам, она рассказывала ему истории о великом Боге-Вороне. Боль обжигала так, словно он сунул руку в огонь, – возможно потому, что он не допил все зелье, но он перенес все, даже не всхлипнув.

Затем она заставила его сесть и вырезала вороний череп у основания его шеи, так что клюв вытянулся вниз по груди и казался кулоном, висевшим на шее. Боль от этого была в десять раз сильнее, чем от крыльев, но единственное, что удерживало его от крика, – страх, что она может случайно перерезать ему горло, если он слишком резко шевельнется. Он знал, что племя его матери резало свою плоть в знак непрекращающейся скорби по тому, что они потеряли, и был горд нести хааханы, но слезы сами бежали по щекам.

Закончив, она окинула свою работу критическим взглядом:

– Теперь, когда ты вернешься домой, они узнают тебя, даже если к тому моменту ты будешь слишком похож на обрети.

Эти слова задели его, особенно то, что она сказала это уже после того, как нанесла знаки. Он и так привык к замечаниям и насмешкам от других людей, оттого что выглядит не так,

как они.

– Разве обреги плохие? – осмелился спросить он – зелье сделало его слишком дерзким. Разумеется, Обреги был единственным домом, который он знал. Он понимал, что его мать была здесь чужачкой: она прибыла из города под названием Това, что располагался далеко отсюда, и принадлежала к людям, которые называли себя Черными Воронами. Но его отец происходил из обреги и был их правителем. Это был дом, в котором жили его предки, земля его народа, возделываемая работниками. Мальчику даже дали имя, принадлежащее обреги. От отца он унаследовал вьющиеся волосы и более светлую кожу, а от матери – узкие глаза, большой рот и широкие щеки.

– Нет, сын, – упрекнула она, – эта жизнь, это место, – она обвела широким жестом, охватив разом и холодный камень стен, и богатые ковры, что висели на них, и снежные горы за ними, и весь народ обреги, – это все лишь для того, чтоб хранить тебя в безопасности до тех пор, пока ты вернешься в Тову.

Хранить от чего? Он хотел спросить об этом, но вместо этого произнес:

– И когда это произойдет?

Вздохнув, она опустила руки.

– Я не Наблюдатель из небесной башни, – покачала она головой. – Но, думаю, это произойдет скоро.

– Через месяц? Через год? – Он попытался подсказать

правильный ответ. *Произойдет скоро* — могло означать что угодно.

– Про нас не забыли, – заверила она его, и ее лицо смягчилось. Она отвела назад непослушную прядь, что упала ему на лоб, и глаза ее были наполнены любовью, согревшей его с головы до ног. Мать могла пугать его отца, но для Серапио она была прекрасна.

Тени двигались по полу, и, когда послеполуденный свет изменился, она оглянулась – лицо покраснелось от волнения.

– Время пришло. – Она встала, протянула ему руку. – Ты готов?

Он был уже слишком взрослым для того, чтоб держать ее за руку, как ребенок, но в то же время он слишком боялся того, что должно было произойти дальше, так что он коснулся своей ладонью ее и как можно сильнее сжал пальцы, ища у нее утешения, и она вывела его на каменную террасу, где ветры, предвещавшие окончание сезона, обожгли холодом его обнаженную кожу.

Открывающийся вид радовал взор. Отсюда была видна вся, пока что еще цепляющаяся за золото и багрянец поздней осени долина. За нею виднелись высокие зубчатые горы, на которых никогда не таял лед. Серапио провел здесь много дней, наблюдая, как ястребы кружат над деревней, расположенной на краю долины, и сбрасывал камешки с края обрыва, разглядывая, как они рассыпаются в пыль на скалистых

утесах внизу. Здесь он предавался нежным воспоминаниям и хорошим мыслям.

– Так облачно, – взволнованно выдохнула мать, все еще держа его за руку, – но посмотри, как все изменилось, пока мы готовились. – Она просияла, показывая окровавленные зубы.

Она была права. Небо прояснилось, явив истерзанное солнце, скорчившееся, как тусклый водянистый шар, на вершине гор – а рядом с ним нависала тьма.

Глаза мальчика испуганно расширились. Мама говорила ему, что Бог-Ворон придет сегодня, но он и не предполагал, насколько кошмарен его облик.

– Посмотри на солнце, Серапио, – задыхаясь, сказала мать. – Мне нужно, чтобы ты посмотрел на солнце.

Он подчинился и со все растущим ужасом увидел, как то начало исчезать.

– Мама? – спросил он встревоженно, ненавидя себя за то, что его голос звучал высоко и испуганно.

– Не отворачивайся! – предупредила она.

Он этого не сделает. Он вытерпел ее нож и ее зелье, и скоро он вытерпит и иглу. Он сможет повелевать солнцем.

Но глаза его начали слезиться и щипать.

– Спокойно, – пробормотала она, сжимая его руку.

У него заболели глаза, но мать вцепилась ногтями в нежную кожу век, заставляя его держать глаза открытыми. Он вскрикнул, когда она задела его глазное яблоко, и инстинкт,

что был сильнее страсти, заставил его отдернуться, но мать крепко прижала его к себе, и руки ее были как тиски, а пальцы вонзились ему в челюсть.

– Ты должен смотреть! – выкрикнула она. И он подчинился.

И Бог-Ворон пожрал солнце.

Мать отпустила его, когда остался лишь ореол дрожащего оранжевого огня вокруг темной дыры.

Серапио потер слезящиеся глаза, но она оттолкнула его руки.

– Ты был таким храбрым, – сказала она. – Теперь тебе нечего бояться.

При одной мысли о том, что должно произойти дальше, по его спине пополз холодок дикого страха. Мать же, казалось, ничего не заметила.

– А теперь поторопимся, – произнесла она, заводя его обратно в комнату. – Пока Бог-Ворон господствует над миром.

Мать заставила его сесть на стул с высокой спинкой. Ноги отяжелели, а голова стала легкой – вероятно, от выпитого зелья. Он очень боялся, но только и смог что тихо простонать.

Привязав его за щиколотки к ножкам стула, мать, не давая пошевелиться, принялась опутывать его шнурами, и там, где веревка касалась свежих ран от нанесенных хааханов, тело обжигало огнем.

– Не открывай глаза, – предупредила мать.

Он послушался и уже через мгновение почувствовал у са-

мых ресниц прикосновение чего-то влажного, холодного и мертвящего кожу. Казалось, веки настолько отяжелели, что поднять их не получится уже никогда.

– Слушай меня внимательно, – сказала мать. – Человеческие глаза несовершенны и лгут. Ты должен научиться видеть мир не только ими.

– Но как?

– Ты научишься, и это поможет тебе. – Он почувствовал, как она сунула ему в карман кошелек, похожий на тот, что сама носила на шее. Если бы он пошевелил пальцами, то запросто мог бы дотянуться до него, а сейчас только чувствовал, что внутри находится мелкий порошок. – Спрячь его и используй, только когда это понадобится.

– Как я узнаю, когда это понадобится? – обеспокоенно спросил он, опасаясь, что может ее подвести.

– Ты научишься, Серапио, – сказала она мягким и настоящим голосом. – И когда это произойдет, ты должен будешь вернуться домой, в Тову. Там ты снова откроешь глаза и станешь богом. Понимаешь?

Он не до конца понял, но все равно сказал:

– Да, – а затем спросил: – Ты пойдешь со мной?..

Она всхлипнула, и этот звук напугал его сильнее, чем все остальное произошедшее сегодня.

– Мама?

– Тише, Серапио. Ты задаешь слишком много вопросов. Отныне тишина твой самый главный союзник.

Игла пронзила веко, но он как-то смутно осознавал это, чувствуя, как стежки закрывают его глаза, как проходит, натягиваясь, нить сквозь кожу. Только начавший затухать страх усилился, заставил задргаться на стуле – раны на спине горели огнем, но веревки держали крепко, а выпитое зелье ослабило все мышцы.

Резкий стук в дверь – и оба вздрогнули от неожиданности.
– Открой дверь! – рявкнул громкий голос, способный сотрясти стены. – Если ты прикоснешься к мальчику, клянусь, я оторву тебе голову!

Отец!

Мальчик хотел крикнуть ему, что с ним все в порядке. Что воля Бога-Ворона должна быть исполнена, что он сам хочет этого, что его мать никогда не причинит ему вреда!

Мать же вернулась к своей работе, не обращая внимания на угрозы отца.

– Уже почти закончили.

– Саайя, пожалуйста! – взмолился отец, и голос его дрогнул.

– Он плачет? – обеспокоенно спросил мальчик.

– Ш-ш-ш, – уголок его левого глаза натянулся, когда мать завязала последний узел.

Ее губы на мгновение прикоснулись ко лбу, и женщина нежно провела рукой по волосам сына.

– Ребенок в чужом месте, рожденный от чужого мужчины, – пробормотала она, и Серапио понял, что она говорит

сама с собой. — Я сделала все, что требовалось. Даже это.

Он понимал, что последние слова означали все перенесенное сегодня. И у него впервые зародилась тень сомнения.

— Кто, мама? Кто просил тебя сделать это? — было еще так много того, что он не понимал, того, что она не сказала ему...

Она откашлялась, и он почувствовал, как шевельнулся воздух, когда она встала.

— Я должна идти, Серапио. Ты продолжишь свой путь, а мне же пришло время присоединиться к предкам.

— Не оставляй меня!

Она склонила голову и шепнула ему на ухо. Тайное имя. Его настоящее имя.

Он задрожал.

А затем она направилась прочь, звук ее шагов удалялся по направлению к открытой террасе. Она бежит. Бежит — куда?

Там была только терраса, за которой было лишь бесконечное небо.

И он знал, что она бежит, чтобы взлететь.

— Мама! — закричал он. — Нет!

Он попытался распахнуть глаза, но швы были крепки, а веки не открывались. Он хотел вцепиться ногтями себе в лицо, но веревки крепко держали его, а время тянулось слишком странно.

— Сынок! — взвыл отец. Что-то огромное ударило в дверь, дерево раскололось, и дверь обрушилась.

— Мама! — воскликнул Серапио. — Вернись!

Но его мольбы остались без ответа. Матери не было.

Глава 2

Город Кьюкола

325 год Солнца

(за 20 дней до Конвергенции)

Вне воды тик плавает в вине.

Поговорки тиков

Ранние продавцы фруктов прогуливались по улицам Кьюколы и криками призывали купить напитки. Голоса их разносились по узким улочкам и широким проспектам, мимо скромных, крытых соломой овальных домов простых жителей, прямо к крышам богатых многоэтажных каменных особняков торговых правителей. Эти крики петляли и среди стел, увенчанных головами ягуаров, что охраняли великие четырехгранные пирамиды, и по старой королевской площадке для игры в мяч – все еще пустынной в царившей вокруг предрассветной темноте. Эти крики заполнили гробницы и рыночные площади, церемониальные места и вылетали за пределы городских стен. До тех пор пока даже Ксиала, блаженно потерявшая сознание всего несколько мгновений назад, не услышала их.

– Кто-нибудь, пожалуйста, заткните их, – пробормотала она, прижимаясь щекой к холодному грязному полу, на кото-

ром спала. — У меня от них голова болит! — Подождав и убедившись, что никто ей не ответил, повторила просьбу, уже чуть громче.

Вместо ответа кто-то пнул ее под ребра. Не сильно, но достаточно для того, чтоб Ксиала, заворчав, приоткрыла глаз, чтоб рассмотреть того, кто осмелился на это.

— Заткнись, — скомандовала виновница ее пробуждения — худая женщина вдвое старше ее, с застывшей, подобно маске, левой половиной лица и зловещим шрамом на шее. — Ты шумишь сильнее, чем они.

— М-м-м... Нет, — протянула Ксиала, одарив незнакомку лучшим из своих взглядов, но к губам прилипла грязь. Пришлось вытереть рот рукавом, и лишь потом она хорошенько оглядела комнату, в которой находилась: темные мокрые стены и деревянная решетчатая дверь там, где должен быть выход. Слишком много женщин, от которых исходил запах немытого тела и перебродившего кактусового пива, распласталось на полу. Несколько счастливиц прижимались друг к другу под изношенными хлопчатобумажными одеялами, скрываясь от холода. Кто-то тихонько плакал в темном углу.

— Проклятье, — вздохнув, сказала она. — Я снова в темнице. Пнувшая ее тощая женщина хихикнула. У нее явно не хватало зубов: двух передних и одного нижнего. Ксиала задумалась — сгнили они или их продали. Судя по лицу, незнакомка вполне могла продать свои зубы.

– Это не дом торгового правителя, – ухмыльнулась женщина. – Это уж точно.

– Хвала младшим богам хотя бы за это, – ответила Ксиала – и, кстати, совершенно искренне. Торговых правителей она не любила, хотя сама, если честно, работала на одного из них и благодаря этому и оказалась здесь, хотя и не сразу. Если бы господин Пек не пытался обвести ее вокруг пальца, его бы не пришлось сбросить в океан. Причем она даже не задержалась, дабы посмотреть, спасся он или нет, предпочтя вместо этого уединиться в кантине на утесе – слишком убогой для того, чтоб кто-то вроде господина Пека мог часто ее посещать. Ненавидя его обман и свою невезучесть, она напилась.

Конечно, она бы напилась в любом случае, но никогда не помешает найти хорошее оправдание.

Чувствуя себя изможденной, она с трудом заставила себя сесть. Увы – слишком быстро, и голова закружилась. Вот она, плата за благие начинания! Ксиала сжала виски руками, мечтая, чтоб мир остановился. Кожа на костяшках пальцев болезненно заныла, и, бросив взгляд на правую руку, Ксиала обнаружила там свежие ссадины и припухлость. Кажется, она умудрилась с кем-то сцепиться, но даже за все какао в Кьюколе не вспомнила бы, с кем именно. Беззубая рассмеялась еще сильнее.

Встряхнув поврежденной рукой и старательно не обращая внимания на чересчур веселую сокамерницу, Ксиала встала и провела пальцами по одежде, оценивая, чего она лиши-

лась. Кинжала – что не удивительно. Маленького кошелька – что тоже не столь уж странно. Но, по крайней мере, у нее все еще оставалась одежда и сандалии – а значит, она должна была быть благодарна хотя бы за это. Пару раз пьянка заканчивалась еще хуже.

Перешагивая через спящих на полу людей, она даже не пыталась извиниться за то, что пнула кого-то по спине или оттоптала кому-то руку. Тем более что большинство женщин спали или были пьяны до беспамятства, а потому попросту этого не заметили. Ксиала облизнула сухие, потрескавшиеся губы. Она бы и сама не отказалась сейчас выпить. *Нет*, сказала она себе. *Разве мы не выяснили, что именно пьянство привело тебя сюда? Большие никакой выпивки. И никаких торговых правителей.*

Мысль была, конечно, здравая, но при этом Ксиала понимала, что ни одной из этих клятв не суждено сбыться. В конце концов, она – моряк, а моряки выживают лишь благодаря торговым правителям и спиртному.

Ксиала добралась до решетчатой двери и неуверенно попыталась ее открыть. Увы, не получилось, так что она просунула лицо между прутьями и всмотрелась в темноту наступающего утра. Это был двор. Недостаток света скрадывал детали, превратив здание напротив в прямоугольный каменный блок, а открытое пространство между домами – в черную дыру. Справа и слева виднелись еще камеры, но сказать, был ли в них кто-то или нет, было невозможно. В общем, она

была единственной, кто не спал. Ну, разве что кроме женщины, что смеялась над ней.

Голоса продавцов фруктами все еще были слышны, но сейчас они отдалились, стали намного тише. Вместо них слышался шелест ветра в пальмовых листьях и знакомые крики пробуждающихся в гнездах чачалаков¹. В воздухе витал свежесжатый запах папайи, долговязых ночных цереусов², а над всем этим – соленый аромат моря.

Море.

Одно лишь воспоминание о нем могло утешить. Когда она была в море, она была счастлива. Ведь тогда попросту не существовало стран, темниц, правителей и проблем, возникающих от них. Если она сможет вернуться на корабль, все будет так, как и должно быть.

Но сперва она должна выбраться отсюда.

– Стража! – закричала она, вглядываясь в темноту. Она никого не видела, но здесь должны были быть охранники. Она шлепнула ладонью по решетке, но та не поддавалась. Она вновь закричала, но только птицы и ветер ответили ей. Нужно было что-то, чем можно было поднять шум, что-то, что могло привлечь внимание.

У нее не было ничего, кроме одежды, – черных расклешенных брюк, пошитых так, чтобы как можно сильнее напоминать юбку, которую подобало носить кьюколанским жен-

¹ Чачалаки – птицы, обитающие в лесах Америки. (Здесь и далее прим. перев.)

² Цереус – разновидность кактуса.

щинам, и тканого полосатого уипила³, туго завязанного на талии платком с бахромой, свисающим на одно бедро. Ничего такого, с помощью чего можно было бы поднять шум.

Задумчиво постучав ногой по земле, она закатила глаза, поражаясь собственной недогадливости. Затем сняла с левой ноги сандалию с кожаной подошвой и провела ею по решетке – звук получился вполне удовлетворительный.

– Стража! – вновь позвала она, на этот раз подкрепляя крик ударами кожаной подошвы по решетке.

За ее спиной послышались недовольные голоса, но она лишь повысила голос.

В конце концов от стены, через две двери, отделилась тень, и к пленнице с важным видом подошла, явно не торопясь, женщина в форме стражника. Ксиала сильнее стукнула сандалией по решетке, пытаясь заставить стражницу идти быстрее. В тусклом свете показалось лицо охранницы: от раздражения ее глаза стали маленькими, а рот – и того меньше. Вот она, сердито зарывав, оказалась в пределах досягаемости – и ее рука, рванувшись вперед, как змея, вырвала сандалию из руки Ксиалы.

– Что, по-твоему, ты делаешь?

– Привлекаю твое внимание, – вздернула подбородок Ксиала. – Я готова выйти.

Стражница усмехнулась:

– Ты никуда не пойдешь.

³ Уипил – традиционная женская одежда Южной и Центральной Америки.

Ксиала нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду? Я протрезвела и потому не до-
ставляю никому проблем. Ты можешь выпустить меня.

Уродливая ухмылка растянула рот охранницы.

– Ты здесь до тех пор, пока тупиле не решат твою судьбу.

– Мою судьбу? – в голосе Ксиалы проскользнуло беспок-
ойство. Ее воспоминания о прошедшей ночи были в луч-
шем случае туманны. Она предполагала, что ее подобрали
на улице и бросили сюда отсыпаться после пьянки. Конеч-
но, гордиться тут было нечем, но это было не в первый раз
и, вполне возможно, не в последний. Но эта стражница на-
мекала, что произошло что-то еще, что-то кроме публично-
го распития напитков и неудачно нанесенного удара. Может,
Пек донес на нее? Она заглушила растущее беспокойство.

– Ты должна меня выпустить! – заявила она, решив, что
сейчас самое время для бравады. – Меня ждет корабль.

Стражница разразилась лающим смехом.

– Корабль? Ты что, моряк? Нет, нет, капитан! Подожди,
сам торговый правитель! Один из Дома Семи. – Она громко
расхохоталась.

Ксиала вспыхнула. Пусть это и звучало нелепо, но правда
часто бывает нелепой.

– Капитан. – Она постаралась, чтоб голос звучал безраз-
лично. – И, если я не появлюсь в порту для выхода в море,
мой господин будет раздосадован. И ты расквесишь в этом!

– Я думаю, я просто извинюсь. А до этого... – зажав обувь

Ксиалы под мышкой, она направилась прочь.

– Эй, – рявкнула та, – верни мне мою сандалию!

– Верну, когда тупиле придут, – обронила охранница через плечо. – И смотри, потише там, или тебе заткнут рот силой.

Ксиала наблюдала за ней, пока та не растаяла в сумерках. Утренний холод пробирал до костей, но заметила она это только сейчас. Девушка скорчилась, пытаясь хоть как-то согреться, но это не помогло. Наконец она сдалась и, шаркая ногами, побрела через лабиринт, созданный телами спящих женщин, и только босая нога напоминала сейчас о ее бедах.

Наконец она нашла свободный пяточок у самой стены и уселась на пол, обвив руками колени и опустив голову: ничего не оставалось, кроме как ждать.

* * *

Ждать пришлось недолго.

Примерно через час за пределами камеры послышался какой-то шум и движение, и Ксиала подняла голову. Несколько спавших до этого женщин проснулись и заинтересованно направились к зарешеченной двери, намереваясь выяснить, что происходит. Что бы они там ни увидели, но это заставило их резко вернуться назад и рухнуть на пол, изображая, что они по-прежнему спят, – наверняка для того, чтобы скрыться от приближающегося. Ксиала же, напротив, вытя-

нула шею, совершенно этого не опасаясь. Единственное, чего она боялась, – это не вернуться на корабль.

В поле зрения показался мужчина: средних лет, плотный и крепкий, черная окладистая борода обрамляла лицо с тяжелым подбородком и суровыми глазами, а пояс на незнакомце выдавал в нем тупиле, тюремного офицера. Желудок Ксиалы сжался – пришедший мало походил на милосердного человека.

Потом в поле зрения появился еще один человек. Статный мужчина, высокий, хорошо сложенный – не такой худой, как беззубая пленница, и не такой толстый, как тупиле. В черных длинных волосах, уложенных в высокий пучок, какой носит знать, виднелись седые пряди, а из одежды на нем была длинная, до колен, набедренная повязка и наброшенная на одно плечо и демонстрировавшая мускулистое и ухоженное тело накидка. На грубой ткани не было ни вышивки, ни украшений – в противовес нынешней моде. Это могло бы говорить о скромности и благочестии, но воротник из нефрита, драгоценности, сверкавшие в ушах и на запястьях, выдавали его тщеславие. Даже в этой отвратительной тюрьме он словно светился изнутри, излучая обаяние и уверенность. И, разумеется, богатство.

Наверняка торговый правитель, скорее всего, дитя знатного класса и, вполне возможно, один из Дома Семи.

Ксиала принципиально ненавидела таких.

Словно почувствовав ее внимание и ненависть, господин

оборвал на полуслове тихий разговор с тупиле, встретился взглядом с пленницей и улыбнулся – усмешкой змеи, сладкой для того, кто не знает, что за нею прячутся острые клыки и яд.

– Это она, – торговый правитель кивнул в ее сторону.

В глубине души Ксиале хотелось спрятаться, стать незаметной, но еще сильнее ей хотелось вырваться на свободу. И сделать это можно было с помощью этого господина.

Девушка выпрямилась, старательно отряхивая тюремную грязь с одежды и изо всех сил делая вид, что ей не место в темнице.

Тупиле нахмурился, одарив Ксиалу резким взглядом, и вновь повернулся к мужчине:

– Обвинения слишком серьезны, господин Балам. – В низком голосе звучало беспокойство. – Я не могу закрыть глаза на то, что она сделала. В конце концов, наши законы одинаковы для всех: и знатных, и простых людей.

– Разумеется, – ответил господин Балам. – И ты просто делаешь свою работу, но, возможно, я могу как-то сгладить ситуацию, – и он положил что-то в руку тупиле. Что-то, что Ксиала не разглядела, но сам мужчина поспешно зажал в кулаке.

Балам обратил весь блеск своего сияющего взора на тупиле:

– Я понимаю ваше замешательство, – молвил он, крепко сжимая ладони мужчины. – И она понесет наказание. Но она

уже находится в услужении у меня, а потому не может быть обращена в рабство по приговору.

— За то, что она сделала, не отдадут в рабство, господин, — выплюнул тупиле. — Это тяжкое преступление.

Ксиала подавилась. Мать Вода! Она ведь совсем не хотела убить Пека, сталкивая его в воду! Не ее вина, что он не умеет плавать.

— Пьянство, — продолжил тупиле. — Публичное распутство. Проникновение в чужой дом без разрешения. Обвинение в прелюбодеянии с жен...

О нет. Дело не в Пеке. Совсем не в Пеке.

Память начала возвращаться к ней. Воспоминания о прибытии в шумную кантину были вполне четкими. Она даже вспомнила свой первый стакан с выпивкой. И второй, с анисовым привкусом на языке.

А еще там была женщина.

Черные волосы с цветком.

Уипил, обнажавший плечи.

Они вместе смеялись, и танцевали, и... Все семь преисподен! Теперь она вспомнила. Они пришли в дом этой женщины, и все шло очень хорошо, пока не появился ее муж. Ксиала смутно помнила, как врезала ему по лицу, — что, кстати, объясняло, откуда взялись ссадины на руке, — но сделала она это лишь потому, что он орал и не пускал ее к двери. Все остальное было в тумане. Должно быть, он приказал ее арестовать, и вот теперь она в темнице. И ей грозит смертная

казнь.

Ей, пожалуй, стоило бы бояться тупиле и законов и неправедного суда, но страха не было. Она знала, как это делается в Кьюколе. Какой-то господин проявил к ней интерес, так что ее вытащат из темницы. Но зачем? Богатеи обычно не проявляют интереса к таким, как она, если им, конечно, что-нибудь не нужно.

Мужчины наконец договорились, тупиле приказал открыть дверь, и Ксиалу вывели наружу.

Она попыталась заговорить, но ее непрошенный спаситель, господин Балам, обратил взор на нее. Пристальный взгляд, глаза его расширились, и Ксиала дерзко вскинула подбородок. Его же взгляд упал на ее ноги.

– Где ее вторая сандалия? – спросил он.

Стражница, шаркая ногами и что-то невнятно пытаясь объяснить, поднесла ее обувь, и Ксиала с трудом сдержалась, чтоб не позлорадствовать.

Довольно скоро ее вывели со двора с тюремными камерами, и девушка вздохнула с облегчением. Она была свободна.

В голову закралась идея немедленно сбежать, но для этого надо было знать, где ты находишься, а район был совершенно незнакомым, хотя и абсолютно типичным для сельской местности. Аромат жарящихся яиц и маисовых лепешек витал в воздухе, и Ксиале показалось, что она все еще чувствует запах цитрусовых, выставленных на продажу, хотя ни одного из продавцов не было видно. В животе заурча-

ло, тем более что она не могла припомнить, когда ела в последний раз, а потому была дико голодна. Впрочем, пока о голоде стоило забыть. Для того чтобы поесть, нужно сказать господину Баламу, чтобы он дал денег, а делать этого совсем не следовало. По крайней мере до того, как она узнает, что же он хочет.

– Кто?.. – начала было она.

– Ты заставила меня приехать в Кухаран, – прервал ее Балам. У него был приятный мелодичный голос, да и говорил он так легко, словно поддразнивал друга. – А я не люблю Кухаран.

– Кто вы? И что, будь оно проклято, такое Кухаран?

Он обвел рукою окрестности:

– Это Кухаран. Сейчас мы находимся недалеко от города, в маленькой фермерской общине. Ты не помнишь, как попала сюда? – Взгляд, которым ее одарили, точно зная, что ответ будет «нет», заставил ее покраснеть. – Тебе еще повезло, – продолжил он. – Не знаю, смог бы я подкупить городского чиновника так же легко, как деревенского. – Его губы изогнулись в улыбке. – Должно быть, она была очень красива.

Ксиала покраснела еще сильнее.

– Очень! – с вызовом выпалила она.

– Все, что мы делаем, мы делаем ради красивых женщин, – понимающе вздохнул он.

Ксиала прикусила язык. Она ни на секунду не поверила, что стоявший напротив нее мужчина мог совершить глуп-

пость ради красивой женщины. Или мужчины, если уж на то пошло. Для того чтобы поддаться такой мелочи, как зов плоти, господин Балам выглядел слишком сдержанным.

– Возможно, ты не знала, что здесь запрещен этот вид любви? – мягко поинтересовался он.

Ксиала сплюнула:

– В городе такого размера не должно быть столько чопорных придурков.

– Ах, но мы не в городе, – тяжело вздохнул он. – Но даже в городе надлежит... – Он не договорил, но Ксиала и так прекрасно знала, о чем он сейчас спросит. – Там, откуда ты родом, все по-другому? – невинно поинтересовался он. – Там, среди тиков?

– Где ваши люди? – Она попыталась сменить тему разговора. Это не его дело, откуда она пришла и кого любила.

Он склонил голову набок:

– Люди?

– Слуги. Паланкин. Я думала, что у таких господ, как вы, нет ног.

Он рассмеялся:

– Я предпочитаю ходить пешком, и Кухаран прекрасно подходит для утренней прогулки.

Это была ложь. Он пришел один, потому что не хотел, чтобы кто-нибудь знал, что он был здесь. Но почему? До сих пор было не ясно, почему он пришел за ней и вообще, как ее нашел?

– Вы до сих пор не сказали мне, кто вы.

– Меня зовут Балам. Господин Балам из Дома Семи. Торговый правитель Кьюколы, Покровитель моря Полумесяца, Белый Ягуар по Праву Рождения.

У всей знати были такие имена, и это значило для нее так же мало, как и все, что она слышала ранее.

– Это должно меня волновать?

– Ну, я надеялся, что это произведет на тебя впечатление, – сухо откликнулся он. – Это сэкономило бы нам немного времени. – Он вновь улыбнулся, а может, никогда и не прекращал. – В конце концов, я знаю, кто ты. – Он замолчал, чтобы встретиться с ней взглядом, дабы она поняла весь смысл его слов. – Точнее, *что* ты.

Разумеется, он знал. Раз уж проделал весь этот путь в ненавистное ему место – и все для того, чтобы вытащить ее из темницы. Определенно он должен был знать, кто она такая.

– И что вы хотите, повелитель... Кошек, так, кажется? – поинтересовалась она. – Богатеи не разговаривают со мной до тех пор, пока им что-нибудь не нужно от меня. И, уж разумеется, они не подкупают тупиле.

– Для начала, мне хватило бы уважения, – мягко сообщил он. – Но, похоже, это маловероятно.

– Разумеется. – Она решила сразу внести ясность. – Чтoб вы знали, я не торгую своими костями.

– Костями? – поразился Балам.

Она попыталась понять, не притворяется ли он удивленным. Балам сказал, что он знает, кто она, а значит, он знал, что она из тиков. Некоторые коллекционировали кости тиков как амулеты на удачу. Говорят, косточка из пальца подарит хорошую погоду или благоприятный ветер. А еще говорят: поймаете тика и вырежьте ему гортань – и это гарантирует вам хороший улов на глубоководье. Она коснулась отсутствующего сустава на мизинце левой руки – сама виновата в том, что потеряла его. Она слишком много выпила тогда и доверилась не тому мужчине – хорошенькому, с глазами цвета земли после весеннего дождя и руками, которые скользнули ей между ног и... ладно, уже не важно. После этого у нее на поясе появился кинжал, и этого было достаточно, чтоб отпугнуть всех искателей приключений. Кинжал, который она потеряла прошлой ночью: либо случайно оставила его где-то, либо его конфисковали в темнице. Что ж, возможно, это к лучшему. Она не любила кинжалы. Он был скорее для видимости, потому что если бы ей опять угрожала опасность потерять какую-то часть тела, то для того, чтоб выпутаться из проблем, она бы Спела. Если, конечно, была бы достаточно трезва для того, чтоб справиться с голосом. Люди могут быть обескуражены видом кинжала, но от мысли, что ты пытаешься зачаровать их Песней, они становятся просто кровожадными.

– А, речь о глазах? – с вызовом спросила она. – Я видела, вы их разглядывали.

У некоторых тиков глаза были голубыми, как ярчайшие воды, у некоторых – серыми, как самые страшные шторма, но у некоторых, очень редко, глаза были как у нее: похожими на калейдоскоп драгоценных цветов, меняющихся, как солнечные брызги на мелководье. Человек в одном из портов, который она уже и не помнила, как-то сказал ей, что знать Товы коллекционирует глаза тиков – такие же, как у нее, – чтоб носить на пальцах, как украшения. Она без сожаления спела тому ублюдку Песнь, дабы погрузить его в сон.

В том, что вы не проснетесь вовремя, чтоб успеть утром на пристань, нет ничего страшного. Конечно, вы потеряете работу и утратите жалованье. Но это совсем небольшой ущерб. Хотя и заслуженный.

– Мне не нужны ни кости, ни глаза, – провозгласил Балам с театральной дрожью в голосе. – У меня есть работа для вас, капитан. И, я слышал, вы в ней нуждаетесь.

– Господин Пек. То есть вот как вы нашли меня?

Он кивнул.

Разумеется, все правители общаются между собой. А это означало, что ее перспективы подзаработать уменьшались с каждым мгновением. Ведь она была не просто опасным тиком. Она была еще и тиком со сложным характером.

– Что за груз?

– Люди.

– Рабы? – Она покачала головой. Пусть она и была в отчаянии, но не настолько. – Я не перевожу людей.

– Не рабы. – Он скорчил гримасу, словно сама мысль об этом была ему противна, но она в это не поверила. Правители Кьюколы не чурались работоторговли.

– Тогда кто?

Он погрозил ей пальцем:

– Спрашивать надо о том, куда.

Он, конечно, уклонился от ответа, но на этот раз она пропустила это мимо ушей:

– И куда же?

– В Тову.

Она никогда там не была, хотя и знала о ней. Да любой знал! Ее называли Жемчужиной Континента, Святым Городом и Городом тех, кто Создан Небесами. Это был город на утесе, расположенный высоко в горах, легендарное место рождения кланов, Созданных Небесами, дом Жреца Солнца и Наблюдателей, чьей обязанностью было хранить календарь и бороться против хаоса. Това была религиозным сердцем континента Меридиан, как Кьюкола была его торговой столицей, а Хукайя – военным центром.

Она представила карту Меридиана – земель, чье население сосредоточилось вдоль серповидного изгиба береговой линии, с Кьюколой в нижней точке изгиба полумесяца, с устьем реки Товаше, воротами в Тову, в верхней левой части этого серпа, и Хукайей – в самой верхней части полумесяца на параллели с севера на юг от Кьюколы. На континенте, конечно, были и другие города и поселения, но ни одно из

них не было столь велико и могущественно, как три великих города, что окаймляли Полумесяц.

– Это долгий путь, – протянула она. – В конце года этот маршрут опасен. Море Полумесяца славится осенними штормами, которые называются Уничтожителями кораблей. Волны в три раза выше человеческого роста. Ветры, что воют в небесах. И дожди. Проливные дожди.

В Тову можно попасть по суше, но кратчайший путь был по Морю Полумесяца, а затем – вверх по реке на барже или пешком. Большинство кораблей уже стояли в доках на межсезонье или совершали короткие путешествия у самого побережья. Да даже ее злосчастная поездка с господином Пekom должна была стать последней в этом году.

– Ты должна прибыть туда через двадцать дней.

– Двадцать дней?! Нет, в это время года это невозможно. С учетом плохой погоды и плохих примет, можно доплыть за тридцать, но и то, если вы сможете найти капитана достаточно глупого для того, чтоб взять вас на борт.

– Но по сути – это возможно?

– Я же сказала – нет.

– Но если море будет спокойным, а погода будет вам благоволить, а мой глупый капитан будет достаточно храбр для того, чтобы выйти в открытое море, а не жаться к берегам?

Кости и красивые глаза – это, конечно, одно. Но ее сила заключалась совсем в другом, и теперь она понимала, почему правитель обратился именно к ней.

– Моя Песнь так не работает. Я не могу ничего сделать с погодой.

– Но ты можешь успокоить море, и, говорят, такие, как ты, не боятся открытой воды.

– *Такие, как я?! –* надменно поинтересовалась она, но господин Балам не обратил внимания на ее тон.

– Тики, разумеется.

Она подняла глаза к звездам. Какой смысл вновь и вновь повторять тому, кто не желает слушать?

– Ты должна прибыть туда за двадцать дней, – настойчиво повторил он. – Иначе наша сделка не состоится.

Они миновали городскую стену и теперь шли по Кьюколе. Эта часть города была Ксиале знакома. Они шли по широкой длинной улице, которая, как уже выяснила Ксиала, вела между жилищами Дома Семи, упираясь затем в доки и заканчиваясь рядом с морем.

– И что за сделку вы предлагаете?

– Корабль с забитым товаром трюмом и полным экипажем, – промолвил он, – при условии, что ты продолжаешь работать на меня. Я отдам тебе десять процентов от прибыли, которую получишь от морской торговли, и это сверх постоянного оклада и комнаты в одном из моих домов, где ты будешь жить, прибывая в Кьюколу. Однако, если ты покинешь меня до истечения срока нашего договора, корабль останется у меня. Плюс я заберу все, что ты заработала.

– И что за срок предполагается?

– Двенадцать лет.

Двенадцать лет.

Двенадцать лет – это очень большой срок для любого, кто живет на крючке у хозяина. С другой стороны, если обещанный корабль и груз действительно хороши, за это время можно скопить неплохие деньги и сойти на берег в тридцать девять лет, будучи весьма состоятельной. Плюс ей не придется вырывать клыками работу, пресмыкаться перед другими людьми или доказывать команде, что сама она стоит больше, чем глазные яблоки и мизинцы по отдельности.

– Откуда мне знать, что вы не такой же ублюдок, как Пек?

Он ухмыльнулся:

– О, я ублюдок. Но честный. Ты не пожалеешь, что согласилась на мое предложение.

– То есть я работаю на вас и по истечении двенадцати лет получаю целое состояние.

– То, что ты зарабатываешь, – согласился он.

– А если я уйду раньше?

– Просто ничего не получишь.

Она закусила пострескавшуюся нижнюю губу.

– А меня могут выгнать?

– Только за нарушение норм морали.

Она разразилась лающим смехом. Слабая, но при этом неподдельная улыбка тронула уголок его рта.

– Двадцать процентов, – вызывающе бросила она.

Он остановился, заставив ее замереть рядом. Улица бы-

ла достаточно оживленной, так что пешеходам приходилось огибать их, как вода огибает остров, но никто не осмелился потребовать объяснения от господина из Дома Семи. Если ему вздумалось остановиться на улице и вести разговоры с обряженной в штаны женщиной, от которой слабо пахло спиртным и мочой, – это его право.

– Я думаю, капитан, – деловым тоном сообщил он, – сейчас вы были бы счастливы любой работе, что позволила бы вам уехать из Кьюколы. Чем дольше вы будете за ее пределами, тем скорее некоторые тупиле забудут о ваших тяжких преступлениях. Не думаю, что после того, что вы сделали с Пеком, вам будет легко наняться на другой корабль. Тем более что он был просто в ярости. Уже одно это способно привести вас в тюрьму – а ведь есть еще и куча других грешков.

– Пятнадцать.

– Двенадцать. Но если вы продолжите со мной спорить, будет восемь.

Он подождал ее ответа и, не услышав его, продолжил:

– Тогда мы договорились.

– Еще одно.

Его губы сжались в тонкую нить, и она поспешно выпалила:

– Ванна. Я воняю.

Он расслабился:

– Рядом с доками есть баня. Если поспешите, сможете туда попасть.

Неплохая идея, но можно было получить еще кое-что.

– И чистая одежда.

– Капитан, я похож на прачку?

Она окинула взглядом торговые палатки вокруг. Большинство одежды шьется на заказ, и обычно требуется неделя, чтоб ее доставили.

– Тогда я постираю свою одежду в бане, – сдалась она. Пусть высохнуть она и не успеет, но жизнь на корабле приучила ее к постоянно промокшей одежде.

– Ну а теперь расскажите, кого я должна отвезти в Тову?

– Мужчину из Обреги, – безмятежно сообщил он. – Слепого. Со шрамами. Какие-то религиозные раны, как я понимаю. Безвредного. – Последнее было произнесено настолько быстро, словно он пытался что-то скрыть от нее.

– Обычно, – осторожно начала Ксиала, – когда о ком-то говорят, что он безвредный, выясняется, что он злодей.

Балам резко повернулся к ней, и от внезапно появившегося напряжения, горевшего в его темных глазах, у девушки перехватило дыхание – да так, что она инстинктивно потянулась за своей Песнью, подобно тому как любая другая женщина потянулась бы за оружием. У нее больше не было кинжала на поясе, но даже если бы он был – Песнь бы сорвалась с ее уст первой.

Балам прищурился, меряя ее изучающим взглядом. Как будто знал, что она вооружена. Как будто он одобрял это. Но уже через мгновение он отвернулся от нее и продолжил

спускаться к докам.

– Будем надеяться, что ты ошибаешься, капитан, – бросил он через плечо. – Это будет лучше для нас обоих.

Глава 3

Город Това. Утроба Койота

325 год Солнца

(день Конвергенции)

Сим объявляется, что каждый из великих народов, что заключили договор, должны посылать со своих земель четырех детей двенадцати лет от роду, дабы они прислуживали жрецам Солнца в городе Това и пребывали в небесной башне не менее шестнадцати лет, по истечении которых они могут вернуться домой, если пожелают. За исключением того, когда дитя будет назначено главой Ордена, вследствие чего будет служить еще шестнадцать лет. За исключением того, когда дитя будет назначено жрецом Солнца и вследствие чего будет служить до смерти.

*«О восполнении Наблюдателей»,
от подписания договора Хукайи и инвеституры
Жреца Солнца, 1 год Солнца*

Хотя ведьма Затайя думала, что Наранпа умерла, та еще была жива. И пусть она не могла пошевелить конечностями или открыть глаза, и пусть вместо дыхания вырывался лишь легкий хрип, но она могла слышать и, что намного важнее, *чувствовать* все, что происходило вокруг нее.

Она чувствовала руки подмастерьий – двух девчонок, ко-

которые изо всех сил напрягались, вытаскивая ее из реки. Она слышала, как Затайя приказала развести огонь, а затем она вдохнула дым, поднявшийся от костра. Она беззвучно закричала, когда горячая густая капля крови упала на ее обнаженную грудь, а затем Затайя приказала своим ученицам равномерно растереть кровь по неподвижно распростертому телу. Когда же ведьма накрывала ее одеялом, замерев лишь на миг, для того чтобы открыть ей рот и положить под язык соленный камень, Наранпа беззвучно заплакала.

Когда-то Наранпа была ребенком. Давным-давно, до того как присоединилась к жречеству, до того как научилась читать ход солнца и повелевать правительницами Созданными Небесами, она была попрошайкой из Утробы Койота, бедного района Тovy. Часто, до того как улицы затапливали вечерние толпы аферистов, туристов и искателей удовольствий, прибывающих в Утробу, Наранпа присаживалась на самый западный край верхнего уровня этого района и вглядывалась в то ошеломляющее расстояние, что отделяло ее дом от более состоятельных кварталов. Глядя на город, она мечтала. О переплетении кружевных висячих мостов, что, как паутина, колеблются под нежными ветрами каньонов и позволяют свободно путешествовать по всем кварталам. О том, как она будет исследовать широкие дороги и величественные дома в четыре и пять этажей, сложенные из саманного кирпича, — и делать это она будет не как прислуга подобно матери, но как человек, который имеет на это право. И самое дерзкое,

о чем она мечтала, — стать ученым в небесной башне в квартале Отса.

Ей тогда было всего десять, и судьба ее еще не была пред-
решена. Она еще не заучила, что она из бедняков, — а такие
люди, как она, попадают в небесную башню только в каче-
стве прислуги, а еще она не вызубрила, что, если ты был бе-
ден, люди продолжают тебя ненавидеть, даже если ты уже
стал богат.

Она помнила летнюю ночь, когда она сидела со своей се-
мьей вокруг кухонного очага, который они делили со свои-
ми соседями, и обсуждала, как ей хочется изучать звезды. В
кварталах, Созданных Небесами, дети принимали пищу на
больших общественных террасах, где еду готовили для со-
тен людей, но в Утробе люди разжигали небольшие земля-
ные очаги прямо на улицах и жарили на них молотую май-
совую муку или закапывали целые початки в горячий пепел,
чтоб приготовить их за ночь.

Услышав ее слова, мать обменялась таинственным взгля-
дом с отцом, и тот закивал.

— Это большая удача, что ты сегодня заговорила об изуче-
нии звезд, Нара, — сказала мать, повысив голос от восторга. —
Я разговаривала с матроной, которой служу, и она сказала,
что помнит тебя, помнит, какая ты умная и как хорошо ты
учишься, и она согласилась поручиться за тебя в небесной
башне.

Наранпа почувствовала, как у нее закружилась голова.

– Я стану ученым – жрецом? – Она знала, что в башне можно изучать и другие науки – целительство, письмо, историю или даже искусство смерти, но все, о чем она мечтала, – это изучать солнце, луну и движение звезд.

Отец рассмеялся:

– О нет, малышка. Они не возьмут тебя учиться. Ты отпавишься работать и будешь прислуживать жрецам. Помогать готовить им пищу, стирать их облачение, мыть полы.

У нее в животе что-то оборвалось от разочарования.

– Но... – мать подарила отцу долгий взгляд. – Возможно, если ты будешь внимательно слушать, то чему-то научишься. Благодаря наблюдательности прислуга может многому научиться, если будет вести себя тихо.

– Тогда я буду тише воды! – торжественно поклялась она. – И многому научусь.

– Это нечестно! – запротестовал ее младший брат Денаочи. – Почему идет она, а не я?

– Кто захочет быть жрецом, если можно стать одним из Созданных Небесами? – спросил второй ее брат, Акел.

Наранпа закусила губу. Это действительно было бы захватывающе. Водомерки были ее любимым кланом, и ее мать служила именно его матроне. Водомерки правили недоступным для выходцев из Утробы районом Титиди. Наранпа видела изогнутые края его утесов, когда вглядывалась через разделявший их узкий каньон: видела огромные небесно-голубые знамена, каскадом спускавшиеся по стенам глинобит-

ных зданий, покрытых стекающими вниз зелеными лозами и красочными побегамии цветов клеродендрума. А здесь она даже не видела деревьев. Деревья! В Утробе не было деревьев. Титиди был садом из невероятной зелени и растений, с водопадом, который, прежде чем воссоединиться с рекой, делившей Тову пополам, бежал через город, подобно живой улице. Когда мать рассказывала об этом, Наранпа представляла Титиди как что-то сказочное, как место, о котором можно только слышать, но в которое ты никогда не попадешь. Но теперь...

– А какой клан выбрал бы ты, Акел? – поинтересовалась она.

– Почему все хотят быть кем угодно, кроме Беркута? – перебил ее Денаочи. – Все знают, что они самые могущественные из четырех кланов.

– Если мы отправимся на войну – нет, – возразил Акел.

– Ты хочешь, когда мы отправимся на войну, ехать на спине водяного насекомого? – Он вздернул острый подбородок. – Я же буду ехать на орле и гадить на тебя сверху!

– Я буду не Водомеркой, а Крылатым Змеем!

– Да какая разница!

Акел кинулся на младшего брата, но Денаочи легко уклонился от его слабого удара.

– Что это за разговоры о войне? – В голосе отца послышался сильный гнев. – Това ни с кем не воюет. С тех пор как жрецы объединили нас, мы живем в мире уже триста лет.

– Это Акел хочет драться. Я же хочу править! – Лицо Денаочи было столь самодовольным, что Наранпа могла только рассмеяться.

– Мальчишки не правят в Тове, – возразил Акел. – К тому же все, чем ты когда-нибудь будешь править, – это куча мусора. Ты и твои сраные птицы. А я отправлюсь в военное училище в Хукайе вместе с другой молодежью, и меня научат там сражаться.

– Хватит! – проворчал отец. – Вы оба не понимаете, о чем говорите. Неужели я вырастил таких дураков? Мечтаете стать правителями и воинами? Вам повезет, если найдете работу в шахтах или на полях на востоке, – фыркнул он. – Военный колледж не для таких, как ты, Акел. Если начнется война, ты станешь кормом для скота или, что еще хуже, жертвой на чужом алтаре в той стране, куда Жрец Солнца не принес света истины. А ты, Очи... – Он перевел взгляд на младшего сына. – Акел прав. Если ты где и будешь править, так это прямо здесь, в Утробе, а здесь можно править только мусором.

– Джейма, – упрекнула мужа мать, – они всего лишь дети.

– Они уже слишком взрослые для таких глупостей. – Он по очереди окинул взглядом детей. – Запомните хорошенько. Вы не молодежь из Созданных Небесами и никогда ею не станете. Выбросьте эти мысли из головы, или будете страдать всю оставшуюся жизнь.

После жестких слов отца в маленькой семье воцарилась

тишина. Мать ничего не сказала, но Наранпа ясно видела, как та неодобрительно сжала зубы, да и выражение глаз было соответствующим.

— Когда я отправлюсь в небесную башню в Отсе, я приглашу вас всех навестить меня, — пытаюсь поднять всем настроение, предложила Наранпа. — И ты сможешь прокатиться на беркуте, Очи. А ты — на крылатом змее, Акел. Но не на войну, а просто так!

— Я сказал, хватит болтать глупости, — проворчал отец — скорее устало, чем сердито. — Ты тоже, Нара. Хватит.

Разумеется, она так и не сдержала данное братьям обещание. Не только потому, что наездники огромных зверей, что принадлежали кланам, Созданным Небесами, считались элитой даже среди молодежи, и не только потому, что их специально выбирали из кланов и долго обучали, прежде чем позволяли взнуздать зверя, но еще и потому, что к тому времени Наранпа покинула свой дом и перебралась в Отсу не для того, чтобы стать просто прислугой — хотя и ею она побывала, — и не для того, чтоб стать просто адептом, хотя и им она успела стать, но для того, чтоб стать Жрецом Солнца — что было великой честью... Но еще потому, что к тому времени ее старший брат утратил жизнь, а младший — душу. Она до конца не знала, что стало с ее родителями, но думала, что они тоже умерли. И никогда не возвращалась для того, чтоб узнать, так ли это.

Потому что отец был прав. Прав в том, что, как бы она ни

любила город, город не полюбил ее в ответ. Ему было мало пользы от девчонки-нищенки из Утробы, чуть-чуть больше – от умной прислуги, привлечшей внимание стареющего и эксцентричного Жреца Солнца, еще чуть больше – от невероятного адепта с поразительной способностью читать звезды, затмившего всех соучеников из Ордена, и в конце концов он просто воспользовался идеалистичным юным Жрецом Солнца, которая думала, что может изменить свой любимый город, и вместо этого лишь нажила врагов.

Снова и снова Това вынуждала ее зарабатывать уважение, и она делала это постоянно. Она успокаивала себя тем, что поступает так не ради славы или власти, а по самой худшей из причин.

Из-за веры. Веры в то место, которое она называла своим домом.

Но, лежа под одеялом, которым укрыла ее ведьма, думала она, измученная воспоминаниями о детстве и глупых фантазиях, с засыхающей кровью на коже и с солью, что жгла ей рот, вера не спасет меня сейчас.

Глава 4

Город Това

325 год Солнца

(за 20 дней до Конвергенции)

Сим объявляется, что все дороги как на Земле, так и в Небе сходятся у Небесной Башни в Тове. Сим объявляется священной обязанностью Наблюдателей Башни поддерживать Баланс между тем, что над нами, и тем, что под нами. Это они, те, кто будет изучать закономерности Солнца и Луны и пророчествовать в соответствии с ними; кто будет следить за тем, чтобы шел Дождь и рос Маис; кто поднимет Разум, Науку и будет трудиться, дабы низвергнуть кровожадных богов древности. Если они не исполнят свою Задачу, все знают, что Война может начаться снова и люди будут страдать. Но больше всего пострадают Наблюдатели, ибо они погибнут первыми.

*Об ответственности Наблюдателей,
от подписания договора Хукайи и введения
в должность Жреца Солнца, 1 год Солнца*

Наранпа заставила жрецов собраться у подножия моста в Одо на рассвете, и этому никто не был рад. Она слышала совершенно непристойное для таких людей ворчание, проклятья и сквернословие. Кто-то жаловался, что остался без горячего завтрака, а разве кто-то может пройти через весь го-

род без горячего завтрака? Наранпе очень хотелось избить жалобщиков. Или хотя бы накричать, чтобы они взяли себя в руки. Предполагалось, что завтра начнется Закрытие – двадцать дней поста и покаяния для того, чтобы подготовить дорогу для возвращения солнца в день летнего солнцестояния. Как эти адепты думают пережить Закрытие, если они скулят уже от того, что у них нет горячего завтрака.

– Будет удивительно, если, слыша эти жалобы, солнце вообще пожелает вернуться, – буркнула она себе под нос, достаточно громко для того, чтоб ее услышали лишь те, кто стоял рядом.

Честно говоря, утро выдалось очень холодным – верный знак того, что до зимнего солнцестояния осталось всего несколько дней. Жрецы и адепты надели меховые плащи и шерстяные краги в дополнение к своему жреческому облачению и даже сандалии заменили ботинками из выделанной кожи. И, несмотря на это, Наранпа не сомневалась, что к концу дня все полностью замерзнут подобно сосулькам, что свисали с крыши небесной башни.

Но это ведь не повод, чтобы жаловаться. В страдании было благородство, укрепляющее характер. Ну, или, по крайней мере, Наранпа на это надеялась и предполагала, что довольно скоро они это выяснят.

– Это шествие – хорошая идея, – добродушно протянул Хайсан, догоняя Наранпу, находившуюся во главе собравшейся группы. – Будем надеяться, что получится хорошее

зрелище для Созданных Небесами в день Закрытия.

– Твоя маска, Хайсан, – напомнила Наранпа старому жрецу.

Он, по крайней мере, *пытался*. Хайсан был та дисса – главой ордена записи истории, – а потому хоть он и был ученым и исследователем, но при этом часто забывал о практических вещах.

– Ох. – Хайсан похлопал по карманам мантии, с каждым мгновением все сильнее расстраиваясь. Наконец он сунул руку под большую медвежью шкуру, которую носил на плечах, и извлек черную маску, лоб и щеки которой покрывали крошечные булавки звезд.

Наранпа бросила короткий взгляд на двух других спутников – жрецов. Аба – сээги и глава Ордена Целителей и Иктан – тцийо, Нож и глава этого ордена. Оба были в масках и ждали: Аба – в белой мантии и соответствующем платье и мехах, и Иктан – в полностью красной маске и длинной юбке цвета заходящего солнца и свежепролитой крови.

Наранпа же была гаваа, главой Ордена Оракулов. Ее маска была солнечной – такой же ярко-желтой, как и подпоясанное платье, которое она носила под накинутым этим утром плащом, подбитым мехом. Маска представляла собой мозаику из длинных тонких золотых полосок, дополненную тонкими клинками из кованого металла, расходящимися во все стороны, как солнечный свет. Она всегда носила маску с честью, но сегодня к ней примешивался еще и страх.

– Я все еще не понимаю, почему мы должны это делать, – прошептала Аба, наклонившись к Иктану, но Наранпа все равно ее услышала. Аба была молодой, самой молодой из них четырех. Она стала главой своего ордена, когда ее учитель внезапно умер прошлой весной. Наранпа заняла свой пост через несколько месяцев после нее по той же причине, но она, по крайней мере, была на пятнадцать лет старше девушки, что означало как минимум на дюжину лет больше опыта, несмотря на то что Аба получила статус раньше ее.

– Для того чтобы показать городу, что жрецы все еще здесь, – сказала Наранпа, все еще глядя вперед. Она не обернулась, чтобы посмотреть, да и не могла бы сказать определенно из-за маски, но она была уверена, что Аба бросала убийственные взгляды ей в спину.

– Они и так знают, что мы здесь, – с ноткой раздражения откликнулась молодая женщина. – Они ведь платят десятину, не так ли? Делают подношения по праздникам? Присылают детей со всего Меридиана, чтобы те готовились стать жрецами?

– И они возмущены этим. – Теперь она повернулась к спутникам. – Я хочу показать им, что мы не какие-то там сморщенные кающиеся старички в башне, а живая, дышащая часть этого города. Что мы доступны. Что нам не все равно.

– Ох, – встревожился Хайсан. – Разве это разумно? Я имею в виду, это слишком радикально, Наранпа. Жрецы ни-

когда не выставляли себя напоказ перед городом. Это к нам приходят, а не наоборот. Честно говоря, все и так идет хорошо.

– Ты только что сказал, что это была хорошая идея, Хайсан, – мягко напомнила ему Наранпа.

– О да. Ну, утреннее шествие. В остальном я не уверен.

– А я уверена, – сказала Аба, стуча зубами, – и я скажу: зачем менять то, что и так работает.

Но оно не работает! Наранпе хотелось возразить. В самом деле, почему, несмотря на требования договора, у дверей башни появляется все меньше и меньше адептов? Почему звучит все меньше и меньше просьб нарисовать звездные карты рождений, смертей и свадеб? Почему ходят слухи о неофициальной магии в нижних кварталах города? Почему растут культы старых богов, которые никак не получается искоренить? Почему это выглядит, как будто элите из Сотворенных Небесами больше нет дела до жрецов и даже проявление их уважения выглядит случайным и каким-то эгоистичным?

– Мы проголосовали за это, Аба, – обронила она. – И ты согласилась.

Молодая женщина фыркнула:

– Это было несколько недель назад, я не думала, что будет так холодно. – Несмотря на то что маска скрывала ее лицо, она хитрым движением склонила голову к Наранпе. – Если честно, я согласилась только из прихоти, Нара. Точнее, сде-

лала поблажку для тебя. Я всегда считала это шествие ужасной идеей.

– Разумеется, – ровно ответила Наранпа, не клюнув на приманку сээги. – Но сейчас уже поздно отступать. Уже слышится барабанный бой и виден дым.

Аба пробормотала что-то недоброе, что Наранпа уже не разобрала, а потом и вовсе пропустила мимо ушей. Она все равно победила, что бы там ни говорила Аба, и потому позволила себе насладиться победой. Сплотить ордены жрецов, чтоб они прошли через весь город, было нелегко, так что она была полна решимости наслаждаться этим, пока была такая возможность.

Барабанщица, наряженная в бледно-голубое одеяние цвета утреннего неба, задавая ритм, шагнула вперед. Стоявший рядом с ней мужчина, в таком же синем одеянии, зажег кедровую ветвь, позволяя сладкому дыму подняться вверх. И Наранпа вздохнула с облегчением, когда шествие потянулось за ними.

Четыре жреца шли в ряд за барабанщицей и ее спутником, сопровождаемые своими адептами, вышагивающими в линию по одному, подобно хвосту падающей звезды – по сорок восемь за каждым.

Пока они шли по мосту над Одо, Наранпа с восхищением осматривала любимый ею город. Това на рассвете всегда был великолепным зрелищем. Отвесные скалы скрывались в тумане, знаменитые плетеные мосты покрывал иней,

а лучи восходящего солнца делали все блестящим, неземным и потусторонним. Она знала, что позади нее находилась вечно неусыпная небесная башня, чьи шесть этажей росли из небольшого, стоящего наособицу холма, отделенного от остального города мостами. Именно там и жили жрецы, адепты и небольшое количество совместно проживающей прислуги. Также там находилась библиотека карт и свитков, терраса, где они все вместе принимали пищу, и на крыше – большая круглая обсерватория, открытая ночному небу.

Дом, – подумала она. Дом, который она любила, даже не будучи уверенной, что принадлежит ему. Но эту неуверенность порождала Утроба, и именно она заставляла Наранпу чувствовать себя недостойной, вновь и вновь требуя повторять про себя, что она – единственный на людской памяти Жрец Солнца, пришедший не из клана Созданного Небесами. Ведь несмотря на то, что башня была открыта для любого дитя, что пришло из Земель Договора, главами Орден-ов традиционно становились люди из Созданных Небесами Кланов Товы.

Кьютуэ, ее учитель, сделал Наранпу своей преемницей после долгих споров, но, поскольку писаного правила, запрещавшего это, не было, ее допустили, хотя так и не полюбили.

При таких обстоятельствах было бы правильным не высываться, следовать традициям до конца и прожить в должности с комфортом. Но она не верила, что жрецы будут достойны ее невнимания.

Кьютуэ был доволен тем, что должность стала скорее церемониальной, чем управленческой, и сила, которой некогда обладало это звание, давно перешло к другим Орденам. Но ни один из них, к сожалению, не волновала жизнь за пределами башни. Еще будучи адептом, Наранпа видела, что жрецы с каждым годом все больше отдаляются от города, и это было печальной судьбой для тех, кто некогда был великой силой, объединившей весь континент. И уж она-то не будет бесстрастно наблюдать, как ее любимое жречество разрушится.

На миг оглянувшись на дорогу, она внезапно поймала взгляд адепта, мертвой хваткой вцепившегося в перила моста. Вместо того чтобы двигаться в такт колебаниям моста, адепт, сомкнув колени, пытался бороться с ним.

Этот тоже заболеет по собственной вине, подумала Наранпа.

– Веди вперед, – шепнула она Хайсану, замедляя шаг, чтобы пропустить других жрецов.

– Куда ты? – встревожился он.

– Я сейчас. – Она пропустила старика вперед, и тот сдался. Старый добрый Хайсан. По крайней мере, она всегда могла положиться на то, что он выполнит приказ. Аба наблюдала за ней, без сомнения, с любопытством. А Иктан не обратил на произошедшее никакого внимания, но она знала, что его глаза следят за ней. Она же пошла в ногу с пораженно уставившимся на нее адептом.

– Ж-жрец С-с-с-солнца? – У адепта застучали зубы, лицо залила бледность, а по вискам, несмотря на холод, побежала тонкая струйка пота.

– Мосты крепкие, – успокаивающе сказала Наранпа. – Мы не упадем.

– О да. Я з-знаю. Строители Товы – лучшие в мире. Н-но... Так много людей идут одновременно, – короткий взгляд назад. – Разумно ли это, идти вместе? Я имею в виду, даже великие вещи могут ломаться.

– Этот мост никогда не упадет, – заверила Наранпа, разглядывая адепта. Она понятия не имела, так ли это, но сейчас было не время придирааться к словам. Судя по выющим волосам и широко расставленным глазам, адепт был родом с южной части континента, но люди часто перемещались из одной части страны в другую, женились, как им того хотелось. Лучше всего было, конечно, не допускать этого, особенно если учесть, что у адептов могло хватить смелости подвергнуть сомнению неизменность структур Товы.

– Откуда ты? – спросила Наранпа.

– Приношу глубочайшие извинения, Жрец Солнца. Я из маленькой деревушки, о которой вы и не слышали. Она находится на юге отсюда, на берегу притока реки Товагеш, который мы за его изгибы называем Маленьким Седуу – маленьким старичком. – Лицо адепта залила краска от смущения за эту провинциальность. – Я намереваюсь изучить целительство и вернуться домой.

– Как тебя зовут?

– Квайя.

– Это похвально, Квайя. Не каждому суждено остаться навсегда в башне. Ты знаешь, что Седуу звучит в Тове как Седох?

– Да, Жрец Солнца. Мы не настолько отличаемся, хотя... – Короткая заминка и вслед за этим поспешное: – Я никогда не пойму, как вы, тованцы, здесь живете. Мой дом находится на равнине, и мне кажется, строить там намного практичнее. Внизу – прекрасная река. – Взгляда под ноги уже не требовалось. – Почему бы не построить город там?

– Когда-то так и было, по крайней мере, по рассказам историков. Эти старинные постройки до сих пор используются в квартале Титиди. – И в Утробе, но этого упоминать она не стала. – Но наши предки, я полагаю, начали строить среди скал, чтоб защититься от ваших, – обронила Наранпа с терпеливой улыбкой. – Они были фермерами, и южане на равнине нападали на них. Кроме того, мы желали быть ближе к небесам. – Она обвела рукой окружающий пейзаж.

Короткий испуганный вздох сорвался с губ адепта.

– Мне так жаль. Я по поводу нападений.

– Уверяю тебя, все забыто. – Но даже когда она говорила это, перед глазами все стояли воспоминания о том, как отец проклинал жителей равнин, называя их ворами и варварами. Даже в объединенном городе старые предрассудки умирали очень медленно.

На лице адепта светилось сомнение.

– Не забывай, что в небесной башне наши взоры обращены к небу. Наш долг изучить узоры на небе так, чтобы их можно было повторить на земле.

– Но вы говорите об ордене гаваа, а я из сээги.

– Разве целители не смотрят на небеса, чтоб разгадать недуги своих пациентов?

– Да, конечно. – Согласие было очень поспешным. – Я просто...

Их ноги ступили на землю Одо, и мост неподвижно замер. С губ Квайи сорвался взволнованный вздох. Наранпа сочувственно похлопала адепта по руке, получив в ответ облегченный кивок.

– Сегодня осталось пройти пять мостов. – Она надеялась, что адепт выдержит.

– Все в порядке? – обеспокоенно спросил Хайсан, когда она присоединилась к идущим впереди шествия жрецам. Наранпа знала, как сильно он ненавидит любые отступления от сложившегося порядка.

– Разумеется, – заверила она его. – Просто одному адепту надо было отвлечься.

Хайсан нахмурился и оглянулся на хвост процессии.

– Это адепт Абы. Пусть бы она его и утешала.

– Все в порядке, Хайсан. Орден раздает нам обязанности, а не командует нашими сердцами. Я видела, что адепту нужна помощь, вот и все.

– Но...

– Довольно. Я буду утешать тех, кого захочу. А теперь будь внимателен. Мы приближаемся к самому Одо.

Одо был унылым и зловещим местом. Будучи старейшим из Созданных Небесами кварталов Товы, одновременно он был домом клана Черных Ворон. Те были одними из первых, кто поселился в городе в облаках, но время их господства давно прошло. Теперь уже другие кланы удерживали большую часть власти в городе, а Одо отныне просто терпели или жалели. Их существование было уроком для любого, пожелавшего бросить вызов Наблюдателям, и того, кто станет его последователем. Одо сливался с городом, но не был его частью. Одо терпели, но не любили, и Наранпа как никто другой понимала это.

Мост привел их гораздо ниже главного входа, так что для того, чтобы добраться до основного района, пришлось подняться по старой и истертой каменной лестнице. Шествие поднялось к вершине, и перед ним предстал дом Черных Ворон. Этот квартал славился мягкими вулканическими породами, из которых и строили дома. Когда Черные Вороны впервые поселились здесь, дома вырезались прямо в высоких скалах, и, пока они шли по главной дороге, Наранпа то и дело замечала древние строения, прячущиеся в боковых переулках или скрывающиеся между более новыми постройками. Многие дома были возведены из неровных кирпичей, добытых и изготовленных из такой же вулканической поро-

ды, только привезенной из-за пределов Товы. Сами же дома сейчас были отделаны деревом, либо обгоревшим, чтобы соответствовать черным кирпичам, либо – на богатых домах и фронтонах магазинов – окрашенным в багрово-красные тона. А еще все было украшено вороньим мотивом – особым вороньим черепом, что был выткан на знаменах, висевших на стенах, и вырезан на перемычках над дверями.

Толпы людей высыпали на улицы и замерли у своих черных домов, чтобы посмотреть на невиданную процессию. Большинство жителей было одето в традиционную тованскую одежду. Тканые юбки у мужчин и женщин или, только у мужчин, длинные набедренные повязки, свисавшие до икр, носимые с крагами зимой или без них – в теплую погоду. Многие, особенно наиболее состоятельные люди клана, носили обозначавшие их ранг пояса. У большинства они были сплетены из шнура, у некоторых – сделаны из кожи и меха, расшитого бисером, и лишь у матроны и прочих членов Великого Дома фартуки и плащи были созданы из черных перьев или шкур черного ягуара, выдубленных и отполированных для красоты. Ветер пробирал до костей, так что на многих были меховые накидки или шкуры. Иные же решили бросить вызов холоду, чтобы явить тела с вырезанными на них хааханами, наносимыми кланом Вороны на кожу.

– Черные здания и черные взгляды, – пробормотал Хайсан себе под нос, так что это услышали лишь четыре жреца. – Такое начало дня не сулит ничего хорошего.

– Разумеется сулит! – так же тихо поправила его Наранпа. – Разве наши предки не учили, что все существует в двойственности, ученый? Земля и небо, лето и зима? А среди кланов – блеск Беркута должен уравниваться тенью Черной Вороны. Как огонь Крылатого Змея противостоит Водомерке.

– Это правда, – смиренно вздохнул он. – И все же Одо весьма беспокоит меня.

– Они нам не рады, – пробормотала Аба.

Разумеется, она была права. Они оба были правы.

– Почему это тебя удивляет? – спросила Наранпа. – Они винят нас в Ночи Ножей. И эту рану мы тоже должны залечить.

– Не собираюсь я ничего залечивать! – запротестовала Аба. – Меня и в живых-то тогда не было, так что я не могу отвечать за Ночь Ножей. Не знаю я, почему они меня ненавидят.

– Никого из нас не было, – согласилась Наранпа. – Кроме Хайсана, но он тогда был еще дитя. Но, живыми или нет, мы несем это бремя.

И все мы пожинаем плоды, подумала она, но решила, что лучше не произносить вслух что-то столь сомнительное.

В то время жрецы считали, что Ночь Ножей – жестокий разгром ереси, поднимающей голову в Одо, – необходима. Призыв к Ночи Ножей был сделан предшественником Кьютуэ, и, как думала Наранпа, по этой причине Кьютуэ и сделал

все возможное, чтобы разделить власть с другими орденами. Конечно, сам он не говорил этого Наранпе, но об этом можно было догадаться. Пережитое в молодости преследовало его. Сотни погибли от рук тцийо. Черные Вороны были жителями Товы, членами одного из священных Созданных Небесами кланов Товы. И все же в них видели врагов жречества и убивали без жалости. Ночь Ножей была раной, что мучила город, раной в самом его сердце, и она изменила Тову, так что это до сих пор отзывалось в ней.

Но ужасная правда заключалась еще и в том, что жестокость произвела разрушительный эффект. Она посрамила Черных Ворон, отбросив клан на несколько поколений назад и заставив их подпольно поклоняться старому богу. По крайней мере, до недавнего времени, когда вновь поползли слухи о возрождении культа.

– О, наконец-то! Приближаемся к Великому Дому! – сказал Хайсан, когда они вышли на широкую аллею, расходившуюся на юге в разные стороны. – Посмотрим, встречает ли нас матрона клана.

Первая проверка, – подумала Наранпа. – Если Черные Вороны не выйдут поприветствовать наше шествие, это будет страшное унижение и верный знак того, что на самом деле мы враги.

Но, к великому облегчению Наранпы, матрона Черных Ворон, ожидая их, вышла навстречу.

Ятлиза была высокой и болезненно худой. На ней было

длинное облегающее платье из шкуры пантеры, блестящая накидка из вороньих перьев изыскано спадала с плеч на землю, шею же обхватывал обрамляющий величественное лицо воротник из перьев редкого красного ары. Волосы были распущены по спине и украшены кусочками слюды, что ловили утренний свет, и на мгновение Наранпа почувствовала, как у нее в душе вновь зашевелился старый страх перед теми, кто родился в Созданных Небесами кланах. Как ты вообще можешь смотреть на такую женщину, как эта, и не думать, что она лучше тебя, что она пришла из другого мира, что она сама была звездой, сошедшей с небес?

Но ты была избрана! – напомнила себе Наранпа. *Пусть кланы, Созданные Небесами, и состоят из властителей мира, но Кьютуэ поверил, что ты – будущее Наблюдателей. Без тебя не будет мира, и владения всех правительниц падут. Не забывай об этом.*

Но помнить это было очень тяжело, даже болезненно. Она почти чувствовала, как осуждают ее другие жрецы. Тревога Хайсана за то, что она нарушает сложившийся порядок вещей, едва скрываемое презрение Абы, а Иктан... ну, Иктан – ее друг и никогда не осудит ее, но иногда она задавалась вопросом, не думает ли Иктан, что Наранпа не в себе, – пусть он и не говорит об этом.

После обмена несколькими заученными словами приветствий и восхвалений, с которыми, как показалось Наранпе, она справилась довольно хорошо, процессия снова двину-

лась в путь, направляясь в следующий квартал. Они нетерпеливо пересекли короткий мост, ведущий в Кун, и оставили за спиной черные здания и черные взгляды Одо.

Солнце к тому времени поднялось уже высоко, утренний мороз почти рассеялся, и утро стало хоть и свежим, но уже не особо противным. Словно почувствовав, что их западные соседи не оказали жреческому шествию восторженно-го приема, квартал Кун и клан Крылатого Змея приготовились к встрече всерьез. Едва шествие ступило на землю, в собравшейся толпе послышались хвалебные возгласы. Хайсан одобрительно хмыкнул, а Аба довольно засмеялась. Наранпа же почувствовала прилив признательности и ответила своим спутникам благодарным кивком. Возможно, теперь они не будут считать ее идею настолько уж глупой.

Она повернулась к Иктану, но он молчал под своей маской. Горожане радостно выкрикивали восхваления жрецам, размахивая зелеными лентами или танцуя под выстукиваемые барабанщицей, возглавляющей их процессию, ритмы, – так, что маленькие колокольчики звенели у них на коленях. После похоронного марша Одо это был настоящий праздник.

– Это излишне, – прошептал шагающий рядом Иктан. Наранпа вздрогнула. Он редко разговаривал на публике.

– Что? – спросила она, перекрикивая шум пения и приветствий.

– Закрытие – торжественный день, а не день празднований. Пусть Черные Вороны и вели себя немного угрюмо, но

их поведение было более приличным, чем это. Что они вообще творят?

Она пожала плечами, раздраженная его словами.

– Возможно, они просто рады видеть нас и благодарны нам за нашу службу.

– И что же это за служба, Нара?

– Разве Кьютуэ не родился Крылатым Змеем до того, как присоединиться к небесной башне? – Для нее это было доказательством их общей истории, но едва эти слова сорвались с губ, как она поняла, что Иктан воспринял это плохо.

– Мы предназначены оставить в стороне всякое родство, едва войдем в двери небесной башни, – мрачным голосом сказал он. – Мы не должны оказывать поддержку нашим родовым кланам, а они не должны помнить нас. Иначе мы станем открытыми для подкупа. Но существует же наш долг перед небесами, не так ли? Они, в отличие от людей, постоянны. Незыблемы. – На последнем слове в голосе явно прозвучал сарказм.

– Не сейчас, Иктан. Пожалуйста. – Она уже свыклась с его цинизмом, но сегодняшний день должен был стать триумфальным. Могла же она хотя бы чуть-чуть получить удовольствие?

Она отвернулась от него и вновь обратила взор к толпе, намереваясь насладиться триумфом, но какая-то часть радости от встречи с приветствующим ее кланом исчезла, и к ней вновь вернулись старые тревоги.

Матрона Крылатых Змеев, Пейяна, спустилась из Великого Дома, чтобы поприветствовать их на дороге. Она была столь же элегантна, как и Ятлиза, но от Пейяны исходили какие-то эманации, какая-то живость, которой не хватало Матроне Черных Ворон. В честь торжества на встречающей было надето платье из переливающейся чешуи крылатого змея, которое при ходьбе колыхалось, как собственная кожа, а на плечах у нее была мантия из ярко-зеленых и синих перьев, прошитых красными и желтыми нитями. Волосы же были уложены в два рога на макушке, а от ушей зеленым пламенем стекали нефритовые серьги.

После обмена церемониальными приветствиями шествие вскоре покинуло Кун, и вскоре у их ног был мост, ведущий к Солнечной Скале.

– Разве мы не пройдем через весь квартал? – спросила Аба.

– Кун – самый большой квартал Товы и простирается вниз по склонам скал, – ответил Хайсан, прежде чем Наранпа успела хоть слово сказать. – Попытаемся пройти его полностью – и это займет весь день! Если же мы пересечем реку здесь, то попадем в северную часть города в Восточных кварталах, где расположены лишь фермы. Там, конечно, нет необходимости проходить шествием, да и единственный путь в кварталы Созданные Небом, будет лежать через Утробу. – Он театрально содрогнулся.

– Мы переправимся через Товаше в Титиди через Сол-

нечную Скалу, – добавила Наранпа. – Тогда мы пройдемся по Титиди и Тсаю и сможем вернуться в Отсу до заката. – Выпад Хайсана она старательно пропустила мимо ушей.

Солнечная Скала представляла собой плато на высоте двести футов⁴, расположенное отдельно, в центре города. У ее склонов мчала воды река Товаше – дарующая жизнь артерия Товы. Ни один из кланов не правил на этой скале, и люди появлялись здесь лишь в церемониальные дни и в дни сбора Совета Ораторов.

Хоть переправа по этому мосту и была самой долгой, но прошла она без происшествий. Наранпа беспокоилась, как себя чувствует адепт из южных низин, но спрашивать об этом не стала. Долгий день начинал ее утомлять, и ей хотелось отдохнуть. Возможно, если бы Аба не смотрела столь осуждающе, она бы даже рискнула снять обувь и растереть ноги.

После великолепия Одо и Куна Солнечная Скала казалась пустынной и заброшенной. В двадцати шагах от моста поверхность земли была срезана, обнажая огромную круглую площадку. Чем-то она напоминала круглые жилища Великих Домов, принадлежащих кланам, но, в отличие от них, была открыта звездам подобно обсерватории на крыше небесной башни. По крутым ступеням, ведущим вниз, выстроились скамейки, и, когда шествие двигалось мимо восточного входа, Наранпа приказала остановиться.

⁴ 200 футов – примерно 60 метров.

Она услышала, как за ее спиной облегченно вздохнули адепты. В амфитеатр она шагнула первой, а остальные последовали за ней, располагаясь на скамьях и требуя воды у прислуги.

Следовавшая за шествием прислуга поднесла корзины, полные маисовых лепешек, оленины и фляг с водой, и принялась раздавать еду. Наранпа заметила, как женщина с барабаном, возглавлявшая шествие, размяла руки, прежде чем принять воду у девушки в коричневом одеянии прислуги.

Еще один одетый в коричневое слуга подошел к Наранпе, она рассеянно полезла в предложенную им корзину и совершенно не заметила, как он выхватил из рукава нож. И заметила блеск обсидианового клинка, лишь когда тот рванулся к ее груди. Она закричала, но было слишком поздно.

Внезапно кто-то дернул ее назад, она упала с каменной скамьи, ударившись головой о лавку позади себя, да так, что сотрясение прошло по всему телу. Зрение затуманилось, она инстинктивно замолотила руками, пытаясь отбиться от того, что, или кто, как она была уверена, пытается ударить ее. Но руки ее попадали только по воздуху, и к тому времени, как она достаточно успокоилась, чтобы разглядеть, что происходит, она поняла, что именно Иктан и оттащил ее назад.

И он занял ее место.

И нож его уже торчал в горле обряженного в коричневое слуги.

Наранпа только и могла, что хватать ртом воздух.

А потом кто-то закричал. Кто-то из адептов.

Наранпа с трудом встала, и к ней тут же протянулось множество рук, чтобы помочь, – как раз в тот момент, когда Иктан позволил телу несостоявшегося убийцы упасть на землю.

– Обыскать их, – лаконично приказал тцийо, и Наранпе потребовалось некоторое время для того, чтоб понять, что он обращается к двум адептам своего ордена. Перепуганная прислуга пороняла корзины и, пытаясь доказать свою невиновность, вскинула руки, пока будущие тцийо сновали вокруг них, по-деловому осматривая корзины и разыскивая оставшееся оружие.

– Небеса и звезды, – выдохнула Аба, хватая Наранпу за руку. – Ты в порядке?

Наранпа вцепилась в свою маску, срывая ее. Пусть делать это на людях было не принято, но ей не хватало воздуха, да и видеть ее сейчас могли только ее люди. Нет. Не только ее. Кто-то проник к ним и пытался ее убить.

– Кто это был?! – выпалила она, подходя к Иктану и лежащему рядом с ним мертвецу.

– Не стоило сразу убивать его, – пробормотал, приблизившись, Хайсан. – Теперь мы не сможем его об этом спросить.

– А также почему он это сделал! – на одном дыхании выпалила Аба из-за плеча Наранпы.

Наранпа оглянулась на девушку. Она тоже сняла маску, лицо ее покраснелось от волнения, и Наранпа с трудом сдержалась, чтоб не дать ей пощечину. Аба слишком молода, на-

помнила она себе. И глупа, несмотря на то что пришла к власти.

– Нет необходимости спрашивать об этом, – тихим и размеренным голосом обронил Иктан. Он только что убил человека, только что спас ей жизнь, но уже был настолько спокоен, словно вышел на неторопливую прогулку.

Наклонившись, тцийо сорвал одежду с убийцы, обнажив его шею и грудь.

Наранпа судорожно вздохнула.

На теле виднелся вырезанный и окрашенный красным знак, который они уже видели этим утром на знаменах и над дверями – череп Черной Вороны.

Глава 5

Город Това

325 год Солнца

(20 дней до Конвергенции)

«Ищи шаблон во всем».

Наставление Жреца Солнца

Дальнейшее шествие по городу прошло как в тумане. Празднования в Титиди были размеренными, а горожане носили синие одеяния, да и в Тсае все было таким же, только золотым и связанным с беркутами, а не насекомыми. Наранпе это все было безразлично. Предполагалось, что нынешний день станет днем почитания жрецов, подтверждением их значения и силы. *Ее* силы! А еще он должен был стать началом возвращения Жреца Солнца на видное место. Но сейчас Наранпа чувствовала, как бешено бьется сердце, каждый шорох заставлял ее подпрыгивать, а глаза все выискивали в толпе возможного убийцу.

Иктан остался на Солнечной Скале вместе с адептом тцийю, чтоб осмотреть место нападения. Другой тцийю надел вместо него красную маску и продолжил его путь.

– Разумно ли это? – спросил Хайсан, едва только Иктан предложил это. – Традиции требуют от нас...

– Не быть убитыми в собственном городе? – насмешливо

поинтересовался он.

Это заставило ученого замолчать, но Наранпа все равно отвела друга в сторону, чтоб поговорить наедине.

– Что ты думаешь об этом? – спросила она его.

– Думаю, тебе надо быть осторожней и воздержаться от суждений.

Она нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего, кроме того, что я сказал. Позволь мне и моим людям делать свою работу, и я приду к тебе в комнату до восхода полной луны и расскажу, что мне удалось узнать.

– Иктан... – Она колебалась, чувствовала себя ошеломленной, словно потеряла равновесие. Наранпа знала, что ее реформы были непопулярны среди традиционалистов, а Черные Вороны не любили небесную башню, но убийство? Она как-то даже не задумывалась об этом.

Наранпа заставила себя глубоко вздохнуть. Она не будет бояться, она просто будет осторожной.

– Ты думаешь, если я продолжу шествие, все будет в порядке?

Иктан склонил набок голову, меряя ее взглядом. Темные глаза впились в нее, а взгляд стал настолько собственническим, что она смутилась.

– Да.

Она расправила плечи:

– Хорошо. Тогда я продолжу.

И она выполнила обещание. Но когда на горизонте показался последний мост, мост, сверкающий на закате, а не на рассвете, мост, ведущий домой, в Отсу, ей хотелось плакать. Она была благодарна своей маске, даже счастлива, что та скрывала ее лицо, а заодно и прятала проступившее на нем выражение испуга.

Традиции требовали, чтобы, когда начиналось Закрытие, двери в небесную башню были символически заперты на закате, – и это было подтверждение тому, что жрецы остаются изолированными до самого солнцестояния. Наранпа же никогда не была так рада услышать грохот закрывающихся тяжелых деревянных дверей. На целых двадцать дней они будут отрезаны от внешнего мира, и ее предполагаемые убийцы останутся снаружи.

– Это был насыщенный день! – провозгласил Хайсан за ее спиной, и она так сильно вздрогнула, что чуть не упала. О небеса, ей надо успокоиться! – Мы ведь соберемся на Конклав, чтобы обсудить протокол Закрытия, когда луна будет в зените?

Она оглядела рассыпавшуюся по первому этажу толпу:

– Разумеется. А пока я предлагаю всем отдохнуть, чтобы мы могли с новыми силами явиться на Конклав.

Хайсан закивал, бормоча:

– Да, да. – И оставшиеся люди постепенно начали расходиться, разбредаясь по своим комнатам или собираясь вкушать последний ужин на террасе, прежде чем начнется пост

Закрытия. Наранпа заставила их всех поклясться, что никто не обмолвится о том, что произошло на Солнечной Скале, но при этом не сомневалась, что сплетни все-таки расползутся.

Она остановила проходившую мимо прислугу и приказала принести ей в комнату столь любимого крепкого темного чая. Конечно, пока была такая возможность, нужно было еще и перекусить, но у нее не было аппетита.

Когда прислуга ушла, Наранпа поднялась на четвертый этаж в свою комнату. Ей и в голову не пришло приказать, чтобы перед тем, как она войдет, спальню проверили на предмет незваных гостей, и внезапно она поняла, что не хочет заходить внутрь. Здравомыслие, конечно, подсказывало ей, что никто не посмеет нарушить границы небесной башни, а потому она здесь в безопасности.

И все же...

Нет, она не будет трусить! Она распахнула дверь, смело вошла в комнату и чуть не упала в обморок.

Иктан расслабленно, как кошка, сидел на лавке у ее кровати.

– Эффектно! – пробормотал он.

– О Небеса! – Она прижала руку к груди. – Небеса! – повторила она снова. – У меня чуть сердце не разорвалось от страха, Иктан! Не делай так больше!

Он пожал плечами, явно не раскаиваясь.

– Ты молода и вполне здорова. Думаю, твое сердце способно выдержать это.

– Ты не знаешь, на что способно мое сердце, – съязвила она, раздраженная его пренебрежительным отношением. И тут же пожалела об этом.

Иктан заломил бровь:

– Я не это имел в виду, – вздохнул он, – но, увы, это правда.

Еще будучи адептами, они стали любовниками, что было совсем не редкостью среди жрецов, – многие попадали в башню, пребывая в муках полового созревания. Но их роман был романом двух неуклюжих подростков, исследующих тела друг друга и понятия не имеющих, что делать. Когда Иктана возвели в сан жреца Клинков, Наранпа по собственной инициативе оборвала эту связь. Иктан легко воспринял ее отказ, запросто подчинившись ее желаниям, и никогда не показывал, что он чувствовал. И, что удивительно, они остались друзьями. Она испытывала нежность к нему раньше, будет и впредь, но при этом она вполне осознавала, что он всегда будет убийцей с соответствующими эмоциональными склонностями, и это ее беспокоило.

– Расскажи, что ты обнаружил?

Иктан только открыл рот, когда в дверь постучали.

Он соскользнул с лавки, в руке мгновенно, так что даже глазом не уследишь, блеснул нож.

– Нет, подожди! – Она вскинула руку. – Я попросила чаю. Это просто прислуга.

– Разве до этого не прислуга пыталась тебя убить?

Она, расширив глаза, запнулась.

– Но то была не настоящая прислуга, – запротестовала она. Все это время ей казалось, что враг смог проникнуть к ним во время шествия по Одо. Ей и в голову не приходило, что, возможно, убийца все это время скрывался в башне. – Думаешь, он все это время был среди нас?

Снова вежливый стук, и Иктан открыл дверь, плавно спрятав нож в рукаве. В комнату вошла, поставив поднос на стол, уже знакомая Наранпе девушка. Запах яупона⁵ поплыл по воздуху.

– Спасибо, Дия, – обронила Наранпа, и та вежливо поклонилась ей перед уходом, не подозревая, что Иктан был готов в любой момент вонзить клинок ей в горло.

Наранпа потерла лоб, чувствуя, сколь тяжел сегодняшний день. Иктан же наполнил чашу чаем и, протянув руку, предложил ей, столь же быстро и плавно, как до этого обнажил нож.

Это было так похоже на него: столь удивительный акт заботы сразу после смертельной опасности, так что она могла только принять это и быть благодарной за его присутствие.

Иктан вернулся на скамью.

– Слуга на скале не был одним из наших, – сообщил он, как будто его никогда и не прерывали. – И он определенно казался Черной Вороной...

– Я слышу в твоём голосе сомнение. – Она отхлебнула

⁵ Яупон – падуб. Используется для приготовления чаеподобного напитка.

чаю. – Кто еще может столь сильно желать смерти Жреца Солнца, кроме Ворон? Может, другие кланы? Или, может, прогрессисты, которые предпочитают ослабленного Жреца Солнца, или традиционалисты, которые считают меня популистским благодетелем, а может, кто-то другой, кого я не принимаю во внимание? Чужой город, раздраженный авторитетом Наблюдателей? Скажи мне, кто мои враги, Иктан, чтобы я, по крайней мере, знала, кто вонзит нож мне в спину. – Она сказала это небрежно, но, когда Наранпа поставила чашку, руки ее дрожали.

– Может, у тебя много врагов, Нара. Может, всего один. Я еще не знаю.

Он был прав. А она забегала вперед.

– Что тебе удалось узнать?

– Хааханы на груди убийцы были свежими. Черные Вороны режут их в подростковом возрасте или чуть позже. Да и режут их повсюду. Руки, спина...

– Я знаю. – Она вспомнила замысловатые узоры, которые видела сегодня на коже Ятлизы. – Они делают это в знак скорби по погибшим в Ночь Ножей, в знак того, что никогда это не забудут. – Это раздражало ее, раздражало Наблюдателей вообще и тцийо в частности, но что они могли с этим поделать? После зверств, что творили жрецы, наименьшее, что они могли теперь делать, это терпеть скорбь Ворон.

– Этому человеку было около двадцати пяти, плюс или минус, а хааханы были вырезаны всего несколько месяцев

назад. И он был всего один.

– То есть он – новообращенный в веру Бога-Ворона, пришедший откуда-то еще?

– Возможно.

– Значит, слухи правдивы. Культисты вновь поднимают голову.

Жрецы знали, что в очагах фанатизма продолжает существовать культ древнего бога Черных Ворон, но большинство считало, что культисты ждали возрождения своего бога, и пока это еще не наступило, они скорее раздражали, чем несли какую-то опасность.

Иктан хмыкнул:

– Я следил за культистами. И они лишь встречаются, молятся мертвому богу и иногда подкармливают голодающих сирот. Они не представляют угрозы.

– Ты говоришь это, когда на твоих рукавах все еще кровь убийцы?

Он поднял руку. Манжета красной мантии окрасилась в более темные тона и стала колом. Он пожал плечами, совершенно не впечатлившись увиденным.

– Я все еще думаю, что он может быть послан кем-то, кто хочет убедить нас, что он был из Черных Ворон. Если бы задуманное удалось, шума было бы достаточно для того, чтобы никто не поверил, что культисты невиновны.

Наранпа закрыла глаза. Если Иктан думает, что это может быть уловкой, над этим стоит поразмыслить. Не то что она

была наивна... Хотя, возможно, и наивна. В отличие от Иктана, она не была настолько долго во главе ордена, чтобы достичь вершин его цинизма.

– Кьютуэ, конечно, оставил дела в беспорядке, – пробормотала она. Жрец Солнца ослаблен, культисты поднимают голову, ордены спорят меж собой. Но он не мог предвидеть этого.

– Нара...

– Да? – откликнулась она, по-прежнему не открывая глаз и склонив голову на грудь.

– Были и другие. – Это было тихое признание, но и оно вывело ее из равновесия. Широко распахнув глаза, она вскинула голову, а пульс участился так, словно опасность уже поджидала ее в комнате.

– Во всяком случае, еще один. Я позаботился о нем.

– Ты... – Она скрестила руки на груди, чувствуя, как внутри закипает гнев. – И ты не сказал мне?

– И надеялся, мне не придется это делать.

– Иктан. – Она изо всех сил старалась сохранять спокойствие, но нервы уже сдавали. – Черная Ворона?

Тишина.

– И ты, зная это, позволил мне пройти по Одо?

– Если бы я думал, что это опасно, я бы...

– *Но это опасно!* – Она заставила себя сделать глубокий вздох.

– Я так не думал.

– А сейчас?

Иктан пожал плечами, едва заметно приподняв одно плечо, но это было самое сильное проявление эмоций, которое она только у него видела. Возможно, Иктан и не признался бы ей, но сегодняшняя попытка убийства потрясла его.

Когда Наранпа заговорила – спокойно, неторопливо, в голосе ее звучало недовольство:

– Я понимаю, другие думают, что я должна быть просто подставным лицом, но я не полагала, что ты думаешь так же. Я не дитя, от которого можно иметь секреты. И мне особенно нужно, чтобы ты, тцийо, верил в меня.

Он ничего не ответил, и его лицо, его проклятое любимое лицо осталось бесстрастным.

– Уходи, – утомленно шепнула она.

– Ты нуждаешься во мне.

– Разумеется, – вздохнула она, раздраженная и тем, что он заставил ее признать это вслух, и прежде всего тем, что это была правда. – Но сейчас мне нужно подумать. И поспать. Я не спала тридцать шесть часов, а в полнолуние состоится Конклав. Как я смогу убедить Наблюдателей воспринимать меня всерьез, если я должна убеждать еще и тебя?

Иктан встал со скамьи и направился к двери. Остановился, положив руку на раму:

– Позволь мне позаботиться и об этом, Наранпа. Это вопрос не убеждения, а долга. Моего, а не твоего.

Она хотела согласиться, но не могла. Он всегда помогал

ей чувствовать себя в безопасности, но всегда есть тонкая грань между защитой и опекой, а то, что от нее что-то скрывали, заставляло ее чувствовать себя слабой. И была еще одна вещь, которую ей надо было знать.

– Ты не сказал мне потому, что мы... мы раньше... ты не веришь в мои способности?

Он в замешательстве склонил голову набок: на лбу появились крошечные морщинки.

– Ты не сделала ничего такого, что заставило бы меня сомневаться в твоих способностях.

– Да, но... – Она в отчаянии прижала руку к горлу. Что ж, возможно, он и не думал о ней плохо лишь потому, что они когда-то были близки, но по той или иной причине он определенно считал ее ребенком. А может, она была к нему несправедлива, позволяя неуверенности управлять собой.

– Кто-нибудь знает о первой попытке?

– Только мои адепты.

– То есть они знали, а я нет?

– Как я уже говорил...

Она вскинула руку:

– Нет, Иктан. Когда ты скрываешь что-то от меня, это подрывает мой авторитет, а я, несмотря на то что Кьютуэ не учил меня этому, пытаюсь его утвердить, понимаешь?

– Разумеется, – буркнул он. – Что-нибудь еще? – Он говорил спокойно, но Наранпа почувствовала его раздражение.

– Нет. – Она устало провела рукой по лицу, а затем, ука-

зывая на дверь, махнула своему бывшему любовнику и нынешнему Ножу. – Только не предпринимай ничего больше, не посоветовавшись со мной. Можешь пообещать мне это? И тогда увидимся на Конклаве.

– Уж его-то я не пропущу, даже за все звезды на небе, – обронил он, и она ясно услышала в его голосе презрение. – Честно.

Глава 6

Город Кьюкола

325 год солнца

(за 20 дней до Конвергенции)

Моряки Кьюколы лучшие в Меридиане, а значит, и во всем известном мире. Во время своих путешествий я плавал на доброй дюжине кораблей по морю Полумесяца и никогда не сомневался в силе, выносливости или смекалке капитана. Именно благодаря их труду Кьюкола постоянно славится силой и богатством и собирает все сокровища этого мира в своих сундуках. Матросы Кьюколы действительно ее самое большое достояние.

*Отчет по заказу Семи Торговых Правителей Кьюколы,
составленный Ютиком,
путешественником из Бараха*

Все начиналось так хорошо.

Балам провел ее через город, вниз к докам, к той самой обещанной им бане. Ксиала хотела задержаться в парной, но он настаивал, что время не терпит, так что она соскребла грязь с кожи, вымыла длинные волосы с южкой и молотой лавандой, прополоскала одежду и выбила из нее влагу о нагретые камни и решила, что этого достаточно. По крайней мере, теперь от нее не воняло ночью, проведенной в тюрьме.

Доки тянулись между болотами и заливами, уходящими в море. Проложенные на сваях тростниковые тропинки тянулись подобно мостам над все более глубокими водами, где расположились привязанные к широким деревянным причалам длинные плоскодонные каноэ, способные вместить двадцать человек или более. Судовые команды вытаскивали на берег связки красно-голубых перьев кетцалья, кадки с густым коричневым медом и горы соли и бирюзы – последние товары в этом году. В воздухе звенел смех и перекрикивания моряков, и Ксиала впервые за этот день расслабилась. Родное место, родные люди. Даже среди таких же, как она, тиков она не чувствовала себя дома. Торговля, работа и запах океана. Вот что было ей близко.

Они приблизились к особенно достойному кораблю. Каноэ шагов примерно сто пятьдесят в длину и двадцать в ширину, с расположенным в центре пологим тростниковым навесом, способным защитить экипаж и груз от солнца и ветров открытого моря. Человеческие фигуры сновали по кораблю, закрепляя товары и готовя судно к отплытию. Опыт и зрение тика позволили ей подсчитать количество весел на борту корабля и, исходя из этого, подсчитать размер команды. По меньшей мере двадцать, но корабль мог вместить до пятидесяти. Она усмехнулась. Большой корабль! Она уже прикинула прибыль, которую получит после поездки в Тову. С таким кораблем можно перевезти столько товара вдоль всего побережья, что за двенадцать лет можно стать сказоч-

но богатой.

Затем она увидела команду, и все полетело в бездну.

– Это люди Пека, – прошептала она Баламу, разглядев наконец моряков. Ну, может, не все, но по крайней мере пятеро или шестеро из двеннацати были ей знакомы – именно с ними она в последний раз ездила на побережье.

Балам улыбнулся так же, как улыбался все утро.

– Они так же, как и ты, недавно остались без работы. Кроме того, это единственная команда, которую я смог найти за столь короткий срок. Мне пришлось щедро заплатить за их услуги, но они вполне компетентны и, как ты и сама знаешь, опытни. Им известен путь в Тову...

– ...вдоль береговой линии, – оборвала она его. – Я думала, мы говорили о плавании через открытое море.

– Так и есть.

– Им это не понравится. – Она указала подбородком на невысокого коренастого мужчину в белой рабочей юбке. – Видишь того? Это Келло. Я не доверяю ни ему, ни любому, за кого он поручится, – она бессознательно провела большим пальцем по отрезанному суставу мизинца.

Не то что она боялась, что эти люди могут причинить ей вред, будут охотиться за ее костями или устроят что-нибудь подобное. В конце концов, всего несколько дней назад она уже плавала с ними, и у нее не было никаких проблем. Ровно до того дня, как Пек явился в доки, обвиняя ее в том, что она специально повредила груз. Она пыталась объяснить, что ее

вины в том, что перья кетцаля полиняли, мед испортился, а соль промокла, нет. На корабле просто была течь, но все корабли рано или поздно протекают, а она не заметила этого вовремя, а потому не смогла спасти груз. С другой стороны, она почти не сомневалась, что кто-то из команды приложил к этому руку. В Уэче она приняла на борт нового человека, приятеля Келло. Тот, конечно, за него поручился, но стоило новичку увидеть ее глаза – он сделал знак, отгоняющий сглаз. Тогда она не обратила на это внимания, думая, что Келло не допустит никаких проблем на корабле. Тем более что в глубине души она верила, что люди могут держать в узде свои предубеждения и просто выполнять работу.

Она ошиблась.

Она не замечала этого до тех пор, пока Пек не поднялся на борт проверить груз и не обнаружил, что тот поврежден. Она могла бы придумать какие-то оправдания, сказать, что во всем виноват новичок, вызвать его, чтоб он мог оправдаться по поводу учиненного им саботажа. Но у нее не было даже времени, чтоб сообразить, что это можно сделать. Пек уже принял решение. Ему достаточно было посмотреть ей в лицо – на ее глаза, если говорить точнее, – и он сразу назвал ее тиковой сучкой-полукровкой. Мол, сама все испортила, да еще и замышляла что-то нехорошее.

– Зачем мне портить мой собственный груз? – скептически спросила она.

– Почему тики вообще что-то делают? – обронил он в от-

вет. — Если получеловек, значит, на вторую половину зверь. И кто знает, почему звери вроде тебя поступают так, а не иначе? Из-за озлобленности? Порока? Зависти?

— Зависти? — громко и с удовольствием рассмеялась она, позволив всем своим лицом показать, что она думает о такой мелочи, как господин Пек. Сейчас, оглядываясь назад, она могла сказать, что, возможно, так поступать не стоило. Он ударил ее наотмашь, костяшки пальцев скользнули по щеке, и тогда она показала ему, на что на самом деле способна тикова сучка-полукровка.

Он вынырнул в двадцати футах от пристани, отплевываясь и зовя на помощь, и, едва отдышавшись, потребовал, чтоб ее арестовали. Она швырнула еще одну волну ему в лицо, прямо в пасть, просто чтоб заставить его заткнуться. Но убийцей она не была, а потому позволила волнам вынести его на мелководе. После этого она оставила свой корабль, свой груз и свое так и не полученное жалованье, для того чтобы найти кантину, прекрасную женщину в ней и в итоге тюремную камеру.

А потом и господина Балама. И все, что увидела сейчас.

Балам коротким жестом подозвал Келло — невысокого мужчину, ростом примерно с Ксиалу, но вдвое шире ее. Мускулы змеями извивались на его натруженных руках, черные волосы были завязаны в высокий узел на затылке, а широкий лоб охватывала белая тканевая повязка. Келло бросил веревку, которую сматывал, и неуклюже перешагнул через

нее, вытирая пот со лба и казавшихся вечно грустными глаз. Мужчина всегда казался Ксиале печальным, как будто жизнь не оправдала его ожиданий и он оплакивал ее несправедливость. Может, сам Келло и не портил груз, но сделал это его человек, а значит, и сам старпом частично нес за это ответственность.

– Мой хорошо оплачиваемый друг, – сказал Балам первому помощнику, – ты ведь знаешь нашего капитана? И с этим не будет никаких проблем, не так ли?

Щенячьи глаза Келло оббежали ее, и мужчина пожал плечами:

– Она хороший капитан для...

Ксиала фыркнула и скрестила руки на груди.

– Для женщины? Для тика? – подсказала она. – Договоривай, Келло.

Он бросил на нее короткий взгляд, а затем опустил глаза.

– Старики говорят, женщинам не место на корабле. Они холодны и потому притягивают шторма. Но ведь ты не женщина, не так ли? Может, женского пола, но не женщина.

– Мать Вода! Так вот о чем вы шепчетесь за моей спиной? Что я даже не человек?! – сжав кулаки, она потянулась за своей Песнью, что пришла к ней темным завитком, поднимающимся из глубин водоворотов, и застыла, готовая сорваться с языка. И пусть сейчас использование Песни только подтвердило бы его слова, ей было все равно.

– Тихо-тихо! – встревоженно обронил Балам, глядя ей

прямо в глаза. – Не нужно этого.

Она бросила на него короткий взгляд, вновь удивившись тому, что он, кажется, чувствовал, когда она призывает магию. Он же одарил ее новой улыбкой. Господин Балам был явно не тем, кем казался. Может, колдуном, может, прорицателем, она до конца не была уверена, кем именно, но он явно был весьма чувствителен к магии.

В отличие от Келло, который ничего не чувствовал и совершенно не знал, что сейчас он был как никогда близок к тому, чтобы стать мишенью для ее гнева.

– Это не оскорбление, – старпом равнодушно пожал плечами. – Я просто говорю то, что есть. Я ходил с тобой в море раньше, не так ли? Может, для моря женщина-рыба лучше, чем человеческая женщина. Не принимай это близко к сердцу.

– Ах, вот оно что! – просиял Балам. – Это не оскорбление! Это комплимент... в своем роде... Итак...

– Но твой друг?.. – Она забыла его имя, решив для себя называть его Уэча, по имени города, откуда он был родом. – Он испортил корабль Пека, и ты знаешь это. Это стоило мне жалованья и репутации.

– Ах, – Келло вздохнул. – Он действительно нехороший человек. И мне это тоже стоило жалованья. И было на моей совести. Так что мы о нем позаботились.

Ксиала совсем не ожидала, что он признает вину, но этого было достаточно, чтоб побороть гнев, так что она позволи-

ла Песни скользнуть обратно в глотку, но все же держала ее поблизости, на всякий случай.

– Ну вот и все! – Балам весело хлопнул в ладоши. – Потерянное жалованье компенсируется новым приключением, так что это путешествие может продолжаться, как мы и запланировали.

– А может, и нет. – Келло чуть повысил бесцветный голос. – Похоже, у нас гости. – Он указал подбородком в сторону доков, куда-то за спину Ксиалы.

Она и Балам оглянулись. К ним шагал совершенно взбешенный господин Пек в сопровождении дюжины солдат с щитами и копьями, а рядом с ним бежал, заламывая руки, тупиле из тюрьмы. На Пеке была набедренная повязка и юбка с плащом, накинутым на одно плечо, – таким же, как у Балама, – но алые юбка и плащ Пека были украшены замысловатыми золотыми кругами, а по кайме шли зазубрины. На голове у мужчины был сделанный из редко расположенных красных и желтых перьев головной убор – из тех, что низко сидят на лбу и закрывают уши. Драгоценные камни сверкали на его руках, шее и даже лодыжках. Это была настолько показушная демонстрация богатства, что Ксиала лишний раз задумалась, что так он скрывал какой-то недостаток.

– Семь преисподен! – пробормотал Балам, и это было первое ругательство, которое Ксиала услышала из его изящных уст. – Должно быть, он следил за мной до Кухарана. – Он усмехнулся, словно это забавляло его. – Хитрый пес. – Он

вновь повернулся к Ксиале и Келло: – Предлагаю вам немедленно подняться на корабль и быть готовыми к отплытию. И главное – быстро.

Келло резко закивал и поспешил обратно к экипажу, выкрикивая команды.

– А вы? – спросила Ксиала.

Балам приподнял холеную бровь и одарил ее подозрительным взглядом.

– Я? Ты беспокоишься обо мне?

– Только о том, чтоб вы остались живы достаточно долго для того, чтобы мне заплатить.

Его лицо расслабилось, как будто ее беспокойство доставляло ему неудобство, а ответ возвращал все на свои места.

– Твоя жизнь гораздо более хрупка, чем моя, Ксиала из тиков. Я могу справиться с Пеком.

Она было запротестовала, что Пек, мол, явился с вооруженными людьми и с этим-то Балам точно не справится, особенно если учесть взятку, заплаченную ранее тупиле, но вдруг вспомнила то странное ощущение, что ее новый хозяин был совсем не тем, кем казался. Пек был слишком пошл и не мог сравниться с Баламом, даже учитывая тупиле и ту небольшую домашнюю армию, что следовала за ним по пятам.

– В любом случае, удачи, – пробормотала она и, так и не дождавшись ответа Балама, поднялась по доске, соединявшей причал с кораблем, и спрыгнула в каноэ, выдолбленное

из целого ствола дерева.

– Забери и это тоже, – крикнул Балам через плечо, указывая на сходни. – Если Пек и его люди решат последовать за тобой, пусть отправляются вплавь.

Она подчинилась, потянув доску на корабль.

– А теперь, – Балам расправил статные плечи, – доставь этого обреги в Тову, капитан Ксиала. Я полагаюсь на тебя. Это мое старое обязательство, обещание, которое должно быть выполнено, и я надеюсь, что ты исполнишь мое поручение.

– А товар? – Она оглянулась на запасы, уже уложенные под тростниковым навесом в центре корабля. – Соль и перья? Какао-бобы и нефрит?

– Сможешь – сделаешь меня богатым, но обреги меня беспокоит намного больше.

– Почему? – спросила она, но Балам уже шагнул прочь, направляясь навстречу Пеку, не дожидаясь, пока тот выйдет на пирс.

Если бы не хранила Песнь в горле, она бы не почувствовала, что за ней наблюдает птица, но это существо было слишком прозорливым, слишком сосредоточенным, а значит, совершенно неестественным. Ксиала резко свистнула, и Песнь заскользила в ее дыхании, создавая звуки слишком высокие для того, чтобы их могли слышать люди, посылая их пред собой.

И вместо этого ей пришло видение. Лицо. Улыбающийся-

ся молодой человек. Зубы окрашены красным, птичий череп вырезан на коже у основания шеи. Красивое лицо окружено вьющимися волосами цвета воронова крыла. На его глазах была повязка, но внезапно он поднял голову, как будто мог видеть ее. А потом – исчез.

Странно. Видения никогда не были ее даром, и она не знала никого похожего на этого человека. Но подумает она об этом завтра. Сейчас у нее были другие насущные проблемы.

От криков Келло экипаж уже пришел в движение, и сейчас члены команды занимали свои места – по десять на каждый борт, поднимая весла, – сам же Келло занял место на носу, дозорным, смотрящим вперед. Она прошла по середине корабля между рядами мужчин, поднявших весла, мимо крытой тростником каюты в центре – и там, где она проходила, все разговоры стихали. Она чувствовала на себе взгляды, слышала шепот «капитан!» и понимала, что у нее уже сложилась определенная репутация среди моряков и все было не так уж плохо. К тому времени, как она, положив ладони на румпель, заняла свое место на корме корабля, на губах ее плясала улыбка.

Бросив последний взгляд на берег, Ксиала заметила Пека. Побагровев от ярости, тот топал ногами и кричал что-то уже неразличимое. Но Балам распростер руки в стороны и преградил Пеку и его людям дорогу к пирсу. И это было главное.

– Вниз! – крикнула она, и все как один погрузили весла в воду. – На счет «два» – вверх!

– Выводим! – крикнул Келло со своего места, и каноэ тронулось в путь. – Раз. Два. Раз. Два.

Мужчины эхом повторяли его слова.

– Раз.

– Два.

И снова.

– Хорошо и стабильно, – обронила она.

С земли раздались возмущенные крики, но она пропустила их мимо ушей. Они уже плыли вперед, и столь сильны были гребцы, что корабль двигался легко и изящно, – и по мере того как судно отдалялось от Кьюколы, таяли и ее тревоги. Когда они отдалятся от берега, ей еще надо будет представиться команде и поделиться новостью, что, как только она проложит курс на карте, им придется плыть через открытое море. Но в целом, для утра, начавшегося в тюрьме, день заканчивался весьма неплохо.

На лицо брызнула соленая вода с весел, и она рассмеялась громко и дерзко. Может, быть тиком не так уж и плохо.

Глава 7

Город Кьюкола

325 год Солнца

(за 20 дней до Конвергенции)

Вороны, собирающиеся вокруг Великого Дома, способны к сотрудничеству и честной игре. Я заметила, что для того, чтобы достичь своей цели, они могут работать со своими соплеменниками и даже с непохожими на них существами. Но будь осторожен! Ворон – обманщик и всегда постарается взять большую часть награды, если будет считать, что это возможно.

Из наблюдений за воронами Саайи в тринадцать лет

Серапио прибыл в гавань Кьюколы еще до восхода солнца. Господин Балам настоял на том, что на корабль надо прибыть как можно раньше, поэтому они встали до рассвета, позавтракали незнакомой пищей и направились на пристань.

Серапио не возражал. Только что приехав из Обреги, он пробыл в Кьюколе всего два дня, но до этого он ждал корабля в Тову целых десять лет, и у него не было ни малейшего желания задерживаться в чужом городе, что под слоем черного благоухающего копала⁶ пах кровью, горячим камнем, потом

⁶ Копал – ископаемая природная смола, выделяемая преимущественно тропическими деревьями семейства бобовых.

рабочих и кислыми амбициями.

Если честно, путешествие началось, еще когда он ослеп – в тот же день, когда погибла мать. И то и другое произошло под проглоченным солнцем, и завершится путешествие под такими же небесами через короткие двадцать дней – или через долгие десять лет и неисчислимые мили от того места, где все началось в Обреги.

Десять лет в Обреги без матери были непросты. Многие прошли под сенью легкого пренебрежения отца, а иные же стали наполненными преднамеренной жестокостью наставников. После смерти матери он уже не знал любви.

Но у него было кое-что, чего не хватало иным. Кое-что, что он охотно бы обменял на любовь, если бы ему предложили. У него была цель.

– Человек с предначертанной судьбой – это человек без страха, – часто шептал он.

То же самое он сказал и господину Баламу. Когда пилигримы, доставившие Серапио из Обреги в Кыюколу, оставили его у порога Балама, тот выпросил у юноши о прошлом, его наставниках и, конечно, его матери. Серапио рассказал ему лишь то, что считал важным, а об остальном умолчал. Баламу не стоило знать об ужасах его детства или о том, что Серапио пережил для достижения цели. В конце концов, удовлетворение чужого любопытства не стоит твоей боли. Особенно если та сильна. Впрочем, думать только об этом Серапио не собирался. Через двадцать дней вся жестокость,

перенесенная в детстве, не будет иметь значения.

Но сперва ему нужно было добраться до Товы.

Через час после того, как Балам доставил его на корабль, Серапио услышал, как прибыла команда. Они подготавливали судно к дороге все утро. Тяжело топая и громко крича, они таскали большие вещи по деревянной палубе и проверяли корпус корабля. Один раз он услышал, как матрос с густым незнакомым акцентом спросил другого о «жреце в каюте», но его напарник посоветовал ему заткнуться и сказал, что это «Дело Балама, а не наше». Серапио решил, что это его назвали жрецом в каюте, и нахмурился, поскольку он — не жрец. В остальном же утро было приятным. Никто его не беспокоил, и юноша решил, что ему даже нравится компания этих людей. Предыдущими спутниками были пилигримы, давшие обет молчания.

Ближе к полудню кроме болтовни матросов, готовящихся к пути, слышалось что-то новое. В доках произошла какая-то ссора на повышенных тонах. И в одном из голосов он опознал господина Балама.

Встревожившись, Серапио снял с шеи небольшой кожаный кошель и открыл его. Облизав подушечку указательного пальца, окунул его вовнутрь. Звездная пыль подобно осколкам света прилипла к влажной коже, окрашивая ее в тонкий блеск серебряной пыли. Прижав палец к языку, он облизал его. На вкус тот был слегка горьковатым, острым и едким.

Эффект снадобья был почти мгновенным. Темный свет

влился в тело, промчался по кровотоку и распахнул разум Серапио подобно тому, как распускающийся по ночам цветок открывается под луной. Он пустил разум наружу и нашел готового принять его хозяина. Ворон взлетел с дерева и поднялся ввысь, позволяя Серапио видеть все вокруг.

Внизу, в доке, расположился его корабль с командой. Они закончили работу и сейчас, высматривая что-то на пирсе, стояли лицом к суше, опираясь на поднятые вертикально весла или сидя на краю ограждения, как будто наблюдая за игрой.

Серапио убедил птицу лететь дальше.

На пристани спорили люди, среди которых был и Балам. Остальных он не знал. У одного – толстого и вспотевшего, несмотря на прохладную погоду, вокруг пояса был туго обмотан должностной кушак. Второй – с обнаженной грудью и множеством драгоценностей, с хвостом седых волос, выглядывающих из-под похожего на коробку головного убора – в целом был невзрачен, и лишь одежда выдавала в нем богатого человека.

Ворон повернулся к лодке. И Серапио увидел ее.

Она была поразительна – с волосами цвета спелой сливы, волнами спускающимися до талии. Кожа – коричневая и гладкая, лицо – широкое и привлекательное, но губы ее – сжаты от ярости в тонкую нить. А еще что-то готово было выплеснуться из ее тела, что-то пульсировавшее энергией, болью и ожиданием. Это было настолько реальным, на-

столько живым, что он почти слышал ее. Песнь, подобную эху, пойманному в ракушку, которую один из его наставников привез из путешествия по побережью. Или похожую на мерцающую после летнего дождя радугу, блестящую между холмами долины, где он вырос.

Он послал парящего в небе посланника ближе к ней, пытаюсь из любопытства узнать больше. Женщина, вскинув голову, повернулась, чтоб посмотреть на ворона. Серапио заметил блеск ее глаз. Белая склера, а радужка – водоворот цветов, будто разные краски перемешали в горшке. *Тик*, успел подумать он. *Как в детских сказках.*

А потом она резко свистнула.

Его ворона подтянулась на звук, закричав громко и протестующе. Взмах черных крыльев, удивленный крик – и Серапио изгнали из его посланника. Юноша откинулся на стул, задыхаясь, прижал руку к уху – и почувствовал влагу. Осторожно промокнув ее, попробовал на вкус кончиком языка. Кровь. Каким-то образом она не только смогла изгнать его из ворона, но и проследила за ним и заставила истекать кровью.

Он засмеялся, задыхаясь от удивления. Он никогда не встречал ничего подобного.

Он заставил себя дышать медленнее, но его мозг все еще пылал от случившегося. Как она сделала это? Изгнала из его собственного создания? Нужно обязательно это узнать, хотя бы для того, чтобы не допустить снова.

Он протер лицо краем черной мантии и поправил повяз-

ку, что прикрывала плотно сшитые веки.

Новые крики, но на этот раз все было в порядке, и люди вытаскивали канаты на борт, пока весла мерно опускались в воду. Они плыли вперед. Звездная пыль все еще оставалась в его венах, и он подумал, что надо бы найти другую ворону, с помощью которой можно было бы посмотреть на огромный корабль, покидающий Кьюколу, чтобы увидеть, куда они движутся, но решил пока не делать этого. В ближайшие дни будет еще много времени, чтобы смотреть на море и знакомиться с командой.

И капитаном.

Глава 8

Горы Обреги

Год 317 Солнца

(за 8 лет до Конвергенции)

Говорят, вороны запоминают лица людей, которые причиняют им боль, и никогда не забывают их. Они до самой смерти будут хранить обиду на своего мучителя и передадут ненависть детям. Так они выживают.

Из наблюдения за воронами Саайи в тринадцать лет

Окруженный воронами мальчик, скрестив ноги, сидел на террасе из дикого камня. Вокруг него было не меньше дюжины огромных черных птиц, кричащих, что-то клюющих и поворачивающих голову то вправо, то влево. Одна уселась на костлявое колено, другая – на угловатое плечико. Трое боролись за место на его протянутой руке, поедая объедки со сложенной чашечкой ладони.

Он шептался с ними, рассказывая о своем одиночестве, произнося извинения за то, как мало еды он может им предложить, а заодно признаваясь в постоянно грызущем его голоде и мягко расспрашивая об огромном мире за пределами этой комнаты и о том, как он выглядит. Вороны отвечали ему, рассказывая, как снег становился все глубже на близлежащих горах, как холодные ветра шумят в их гнездах и как солнце слабеет, а ночи удлиняются.

Он протянул свободную руку, и большая широкогрудая ворона с зазубренным клювом и блестящими перьями уронила на ладонь мальчику что-то сверкнувшее в утренних лучах. Мальчик провел по предмету большим пальцем, изучая его размер и очертания, а затем взвесил несколько раз в руке и улыбнулся. Обрадованный подарком, он положил его к небольшой кучке сокровищ, собранных за утро.

– Он всегда так себя ведет? – спросил голос за спиной.

Мальчик застыл. Заговорил незнакомец. Гости редко бывали у него. Точнее, за исключением еженедельных визитов отца, его посещали только слуги и охранник, который стоял за дверью.

– Да, – ответил второй голос.

Мальчик напрягся, раздувая ноздри. Этот голос был ему знаком.

– Он предпочитает сидеть снаружи, с птицами, – продолжил второй голос, и в нем появилась какая-то горечь. – Я думал запретить это после...

– Нет, не надо, – быстро ответил незнакомец, – я сейчас поговорю с ним. Наедине.

– Я не могу оставить вас наедине... с мальчиком.

С мальчиком. Не с моим сыном. Кулак Серапио сжался. В нем боролись гнев и стыд. Отец постоянно оставлял его одного. Так почему это должно волновать его сейчас?

– Господин Маркал, – терпеливо произнес незнакомец, – я пришел, чтобы помочь вашему сыну. – Вы не верите?

– Я не боюсь, что вы навредите ему, – ответил отец, понизив голос до шепота, стараясь, чтоб его не услышал Серапио. – Я боюсь, он навредит вам. Он... Ненормальный.

– Он ребенок.

– Ему четырнадцать. Он не так уж юн. И, наверное, вы не понимаете. Проблема не только в том, что он потерял зрение.

– Я понимаю более чем достаточно. А теперь дайте мне поработать.

Его отец заколебался, а потом сказал:

– Я оставляю стражу за дверью. Позовите их, если вам что-то понадобится. После того как я исполню свои обязанности, я вернусь, чтобы проверить вас.

– В этом нет необходимости.

– Ну, если вы уверены...

– Вполне.

А потом слышались шаги, такие торопливые, словно отец только этого и ждал. А незнакомец остался с ним наедине.

– Здравствуй, Серапио.

Ворона клюнула его в руку. Он порылся в кармане и вытащил еще горсть объедков. Птица счастливо закричала, но к ней тут же присоединились ее сородичи, и еда тут же пропала.

– Кто вы? – спросил мальчик.

– Я здесь, чтобы помочь тебе.

– Не думаю, что вы можете мне помочь.

Мужчина недобро хмыкнул. Кажется, сейчас он стоял в ведущем на террасу дверном проеме, прислонившись к раме. Гость заставил Серапио нервничать, отчего птицы засуетились и захлопали крыльями.

– Ты еще один целитель? – спросил Серапио. – Один из тех, кто приходит тыкать и щупать мои глаза?

– О, я пришел не для того, чтобы снова помочь тебе видеть, – ответил мужчина. – Я подозреваю, что это было бы пустой тратой времени, так что тебе придется расстаться с этой надеждой, мальчик.

Серапио удивленно поднял голову. Раньше ему никто никогда этого не говорил. А сейчас ему так прямо сказали о его судьбе, хотя обычно звучали лишь банальности да фальшивые утешения, неизбежно заканчивающиеся недоверчивым шепотом о том, что мать «погубила» его, и о том, каким монстром она была.

– У меня нет ложных надежд, – тихо запротестовал он.

– Конечно есть, – терпеливо ответил мужчина. – Жизнь – череда ложных надежд. И, пока мы не обучимся хорошенько, у нас у всех будут неуместные надежды. И я научился.

– И что вы хотите?

– Я здесь, чтобы подготовить тебя к твоей судьбе.

– Я уже знаю свою судьбу. – Он вытащил из кармана еще корма, и ворон с зазубренным клювом сел ему на ладонь. То, что это был именно он, было ясно по весу и по особому, голодному карканью.

Незнакомец молчал, и Серапио понял, что он, должно быть, обдумывает, что сказать.

– И в чем же она?

– Мне суждено возродиться вороном.

– А затем?

Никто никогда не спрашивал «а затем?». Они просто считали его душевнобольным, думали, что его голова полна причудливых желаний о полетах или о побеге от увечий.

– Они говорят со мной, ты ведь знаешь, – сказал мальчик.

– Неудивительно. Они узнают одного из них. И что они говорят тебе?

– Всякую воронью чушь. О веселье на охотничьх угодьях и о радости полета. А еще о семье и потерянных вещах.

– О последнем ты определенно должен знать, – в голосе впервые проскользнули нотки симпатии.

Он кивнул.

– Что они еще тебе говорят?

– Что я один из них. Так же как их великий предок. Я проглотил тень солнца. Иногда они называют меня Праотцом Вороном, хотя я не так уж стар.

– Предок, а?

Он пожал узловатым плечом, словно сомневаясь.

– Как они еще называют тебя, Серапио?

– Несущим Ночь, когда мне холодно. Или Пожирателем Солнца, когда я зол. Они говорят, что мое тело холодно, а моя злоба горяча.

– Всему этому тебя научили вороны? – Он казался удивленным, словно не ожидал этого.

– Они мои друзья. Я заслужил их доверие.

– А как твоя мать называла тебя?

Серапио резко повернулся к незнакомцу:

– Тебя послала моя мать?

– Твоя мать мертва. – Голос незнакомца был ровен и деловит, он просто констатировал факт. – Но да, в некотором роде она послала меня. Договорилась, чтобы я и еще двое пришли, если ее работа увенчается успехом.

– Ты имеешь в виду меня, – сказал Серапио. – Я работа моей матери.

– Что она говорила тебе?

– Что я буду богом.

Незнакомец молчал так долго, что Серапио подумал, что он незаметно ушел.

– Ты странный, – наконец сказал он. – Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Серапио услышал, как мужчина вышел из комнаты. Он думал не обращать внимания на его приказ, но любопытство взяло верх. Шепотом попрощавшись с друзьями, он, отряхнув руки и штаны, встал и направился к скамье, которая, как он знал, находилась прямо за дверью, и сел на нее.

– На, возьми это. – К колену что-то прижалось, и Серапио подчинился, придавив ладонью толстый необработанный кусок коры, длиной и шириной с его руку.

– Ветка дерева?

– А теперь это.

Колена вновь что-то коснулось. Новый предмет состоял из рукояти и широкого лезвия – тупого по всей длине и заостряющегося на конце.

– Нож?

– Резец. Я буду учить тебя вырезать.

– Зачем?

– Это просто инструмент. Средство достижения цели. Когда ты в последний раз использовал руки?

– Недавно. Чтобы поднять эту ветку и резец.

По щеке хлестнул резкий удар. Мальчик вскрикнул, упал на пол. Вороны снаружи закаркали. Он поднес дрожащую руку к лицу. И понял, что оно перемазано кровью, там, где прикосновение неизвестного оружия вырвало тонкий кусок кожи. Воздух обжигал рану. В нем вскипела горячая ярость. Он открыл рот, чтоб позвать своих ворон...

– Науськай их на меня, и им тоже достанется. Я не хочу причинять боль им или тебе, Серапио, но ты будешь уважать меня, ясно?

Серапио захлопнул рот. Одно дело, когда бьют его, но рисковать своими друзьями он не хотел.

– Начнем снова, – приказал мужчина. – Дерево и резец.

С трудом сдерживая слезы и стараясь не обращать внимания на кровоточащую щеку, Серапио взвесил грубый кусок дерева в одной руке и резец в другой. На миг закра-

лась мысль бросить их в мужчину. А что потом? Куда бы он мог побежать, чтобы избежать еще одного удара? И птицы. Мужчина мог причинить боль птицам.

– Прекращай себя жалеть, – скомандовал незнакомец. – Ты воняешь жалостью к себе. Делай, что я говорю, и мы прекрасно поладим. Бить я тебя буду, только когда это понадобится. В конце концов, я вполне рассудителен.

Серапио не ответил.

Быстрые шаги, и Серапио понял, что сейчас будет еще один удар. Он отшатнулся, но чужая рука вцепилась ему в волосы и поставила на колени.

– Ты говоришь о своей судьбе. Но ты не желаешь страдать, чтоб достичь ее. Ты не доберешься до Товы, если будешь бояться, Серапио. Я сделаю твой разум сильным, если ты мне позволишь, научу тебя терпеть боль. Или ты желаешь остаться на этой террасе и гнить вместе со своими хранителями? – Он с силой встряхнул его, отчего голова Серапио колыхнулась назад и вперед, как тростинка на ветру.

– Я буду страдать! – громко и испуганно закричал мальчик.

Мужчина отпустил его, Серапио рухнул вперед и понял, что стоит на четвереньках, тяжело дыша и все еще сжимая брусок и резец в руках.

Он слышал, как мужчина пересек комнату и сел на дальнюю скамью. Голос доносился издали:

– Опиши мне это дерево. Скажи, что ты чувствуешь.

Серапио сделал глубокий вздох, чтобы успокоиться. Заставил себя сесть и принялся крутить деревяшку между пальцами и ладонью.

– Я чувствую необработанный материал, – рискнул он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Что еще, – мужчина словно уговаривал его. – Сконцентрируйся. Используй пальцы и разум.

– Необработанный, – повторил Серапио, а потом: – Изъеденный. Зазубренный здесь, по левой стороне, и узловатый чуть ниже моего большого пальца. – Он провел кончиком большого пальца по узлу.

– Уже лучше, – согласился мужчина. – А теперь почувствуй создание, что живет внутри дерева. Оно здесь, прячется, ждет, когда ты выпустишь его наружу. – Шорох одежды, когда мужчина наклонился к нему. – Ты можешь это сделать, Серапио? Можешь найти создание внутри дерева?

– Да, – представив ворона, он провел резцом по бороздке, которую до этого наметил ногтем. Маленькая голова, большой клюв, изгибающаяся грудь и оперенные крылья. Он вонзил резец в дерево, но тот соскользнул, вонзившись вместо этого под ноготь. Закричав от боли, он отдернул руку и сунул палец в рот.

– Заставь боль стать твоим другом, Серапио, – настаивал мужчина. – Научись ее ценить так, как мог бы ценить любовницу. Пусть она станет тем, что жаждешь больше всего.

Серапио понятия не имел, чем занимаются любовники,

но он достаточно часто слышал, как слуги трахаются в соседней комнате. Он точно не хотел иметь ничего общего со страданиями и болью. Неужели этот мужчина пришел, чтобы научить его именно этому? Он этого не хотел, но если это означало, что он станет тем, кем желала видеть его мать, он вытерпит это.

– А теперь, – сказал наставник, – расскажи мне опять об этой деревяшке. Только используй для этого другие слова.

Серапио подчинился.

Время шло. С заходом солнца становилось все холоднее, и пришли слуги, чтобы зажечь настенные светильники и предложить еду. Сам мужчина поел, Серапио же было приказано продолжить работу, поскольку он еще не заслужил ужина.

И лишь когда ночные слуги пришли приготовить Серапио постель, мужчина сказал:

– Пришло время мне уходить.

– Ты вернешься? – спросил Серапио, понятия не имея, хочет ли он, чтобы мужчина остался или чтобы ушел навсегда.

– Да, обещаю. – Он положил руку на плечо Серапио и сжал ладонь так сильно, что, казалось, тонкие кости сдвинулись под рубашкой. – В следующий раз, когда я приду, ты сможешь называть меня Пааде. Мы будем друзьями.

Серапио инстинктивно понял, что это ложь. Пааде не любил его. Он не был уверен почему, но знал это столь же хорошо, как и свое имя. Пускай Пааде и был здесь для того, чтобы выполнить обещание, данное его матери много лет на-

зад, пускай он был здесь, чтобы научить его боли, дабы он мог исполнить свое предназначение, но они никогда не будут друзьями.

После того как наставник ушел, Серапио долго держал руку у щеки, размышляя. Кровь засохла тонкой, легко отслаивающейся, стоило только потянуть ее, дорожкой.

Боль напугала его, но он уже начал прощать ее, делать своим другом, как и говорил Пааде.

Над своей первой статуэткой он работал до глубокой ночи, да так и заснул, сгорбившись на скамейке. В руке была зажата заготовка вороны. Не до конца сформированная, только набросок того, чем она должна была стать, но начало все же было положено.

Глава 9

Город Това

325 год Солнца

(19 дней до Конвергенции)

Мои наблюдения за жречеством Наблюдателей показывают, что сейчас оно лишь подобие того, кем было раньше. Ирония века заключается в том, что научные достижения, с помощью которых Наблюдатели когда-то вынудили толпы людей прекратить поклонение старым богам, теперь стали настолько обыденными, что устарели. Никто не отрицает, что когда-то жречество занимало главенствующее положение в Меридиане и три века хранило мир, но я подозреваю, что сейчас их сила проистекает только из традиции и ностальгии. Они заявляют, что читают небо, но их работа кажется в основном сувениром для высшего класса. Они дают прогнозы на дождь, но разве проницательный фермер не способен сам почувствовать, что таит почва? Для того чтобы предсказать будущее, проницательные глаза могли бы обратиться к торговым городам моря Полумесяца. Должны ли города продолжить платить десятину Жрецу Солнца – тема, заслуживающая

обсуждения семью правителями.

Отчет по заказу Семи Торговых правителей

Кьюколы, составленный Ютиком,

путешественником из Бараха

Конклав продолжался уже второй час, когда Наранпа заметила, как Иктан пробрался к восточной двери – обойдя круглую комнату сзади, пройдя за спинами целителей, чтобы присоединиться к посвященным тцийо на южной стороне круга, и проскользнув на пустое место на каменной скамье, тихий и незаметный, как тень в темноте.

Наранпа этого бы и не заметила, если бы не знала, куда смотреть, и не осознала на двадцатой минуте монотонной лекции Хайсана, касающейся правил поведения на Закрытии, что человек, сидящий на месте Иктана, носивший его красную маску и закутанный с головы до ног в бесформенную алую мантию, не был Иктаном.

Самозванец, подумала она, – *такой же, как завершал за него шествие*. И сидел самозванец так же тихо и неподвижно, как это всегда делал Иктан, так что если бы ему не пришлось заговорить, что Иктан делал очень редко, никто бы и не догадался. Эта мысль заставила ее задуматься, а как часто Иктан практиковал этот обман и как часто он вводил всех в заблуждение относительно своего присутствия в комнате?

Она смотрела на Иктана, настоящего Иктана, смешавшегося с присутствующими адептами, покорно сидящего за спиной фальшивого жреца.

– И потому мы встретимся в день солнцестояния, чтоб закончить наше Закрытие, – сказал Хайсан, – в сумерках на Солнечной Скале. И в этом году солнцестояние будет отмечено редчайшим небесным событием. Когда год будет разделен на старый и новый, земля, солнце и луна выстроятся в Конвергенции, прямо над нашими головами, так что мы станем свидетелями последовательного сдвижения от Порядка к Хаосу и обратно. И так, как это будет на небесах, так это будет и в Тове. Мы станем свидетелями прохождения цикла восхождения зла во тьме с последующим поражением, понесенным от доброты и света, когда возобладает солнце.

Это была волнующая речь, и жрецы и адепты затопали ногами, вежливо соглашаясь.

Где он был, задумалась она. Она специально ему сказала, чтоб он не делал ничего, не сообщив предварительно ей, но она была уверена, что Иктан истолкует ее слова так, как будет ему удобно.

– Жрец Солнца, вы могли бы обратиться к Конклаву.

Ну, может, это слишком мелко. Может, он проводил расследование. Шел по следу или что-то в этом роде. Разве не так поступают люди, когда случается преступление? Или, по крайней мере, покушение на преступление.

– Жрец Солнца?

Вернее будет сказать – покушение на убийство. Это ведь не просто преступление.

– Наранпа!

Она сморгнула. Все уставились на нее. Все три жреца (точнее, два жреца и самозванец, прикидывающийся Иктаном), адепты и даже прислуга, что замерла в ожидании у стен круглой комнаты.

Она прочистила горло, отчаянно пытаясь сообразить, о чем говорил Хайсан, но в голову ничего не приходило.

– Приношу свои извинения, – сказала она. – Вы можете повторить?

Лицо Хайсана вытянулось:

– Какую часть?

– Э... Последнюю.

Хайсан, явно растроившись, покраснел:

– Я п-полагаю, я мог бы начать с...

– Нара, тебе нехорошо? – наклонясь вперед, спросила Аба.

Она сидела на западной стороне круга, прямо напротив нее, и на ее милом лице отражалось беспокойство.

Наранпу рассердило, что Аба назвала ее уменьшительно, тем более что раньше она не замечала, чтобы девушка называла ее так, и никто не давал ей разрешения так называть Наранпу.

– Я... – Она запнулась. На миг мелькнула мысль, что на беспокойство Абы стоило ответить высокомерно, заявить, что та не вправе обращаться столь фамильярно, но решила, что это не в ее стиле. Нельзя, критикуя, стать лидером. Наранпа встала. – Действительно, спасибо за твой вопрос, Аба.

Теперь, когда ты об этом упомянула, я хотела бы кое-что обсудить с Конклавом. Как большинство из вас знает, сегодня произошло покушение на мою жизнь.

Она резко замолчала. Ни единого вздоха удивления. Что ж, колесо слухов действительно вращалось.

– Неудавшийся убийца нес на себе отметины одного из кланов Созданных Небесами.

И снова никакой реакции от собравшихся – они явно знали, о каком клане она говорит, так что Наранпа решила продолжить:

– Это произошло потому, что для многих мы стали безликими бюрократами, а не слугами народа. Мы исполняем свой долг, наносим звезды на бумагу, но мы кроме того призваны сделать наш мир лучшим отражением небес. Порядок – из хаоса, добро, – она посмотрела на Хайсана, в конце концов вспомнив его слова, – добро из зла. Но это достигается не молитвами. Это достигается на практике. Это хорошо и прекрасно, что мы закрываемся для того, чтобы подготовить возвращение солнца, но как же служение людям? Целители, доступные не только Созданным Небесами, но и остальным? Знания неба, распространенные между простыми горожанами...

– Для всего этого существуют гражданские институты, – сказал Хайсан. – Долг Созданных Небесами заключается в том...

– Но ведь он может быть и нашим? Почему мы столько

уступаем Созданным Небесами?

– Мы не вмешиваемся в мировую политику.

– Я говорю не о вмешательстве. – Она разочарованно сжала кулаки. И почему она не может найти нужных слов, когда это так необходимо?

– Тогда *о чем?* – спросила Аба.

– Я просто хочу...

Я хочу, чтоб мы остались нужными.

– Нара... – Аба встала, и все внимание обратилось к ней.

Наранпа вздрогнула от этого проклятого прозвища. Может, она специально так к ней обратилась? А ведь она могла.

– Вполне понятно, что ты потрясена событиями сегодняшнего дня, – продолжила целительница. – Это было ужасно! Даже я потрясена, хотя это случилось не со мной. – Она на миг замолчала, покраснев от ужасных воспоминаний, хотя, как она и сказала, это все случилось не с ней. – Так что, если тебе нужно отдохнуть, мы, разумеется, можем продолжить Конклав без тебя. Может, кто-то из адептов может тебя заменить? Например, Эче?

Наранпа мельком глянула на адепта по имени Эче, который сидел справа от нее. Он был ее любимым учеником – красивым, пусть иногда и малость пустоватым, но в то же время его звездные карты всегда были удивительно точны. Она склонялась к тому, чтоб назвать его своим официальным преемником, – это был очевидный выбор. При том что недавно он опоздал на урок, а на прошлой неделе поставил

под сомнение ее прогноз погоды. Ничего серьезного, но тогда это ее удивило. Теперь же, увидев, как он улыбался Абе, а затем и вовсе оглянулся на Наранпу, как будто ожидая, что она согласится на предложение сээги, все недавние изменения в его поведении стали понятны.

Аба трахалась с ним. Наранпа видела это так же ясно, словно это было освещено луной. Конечно, в этом не было ничего странного, но только не когда это слишком сильно влияет на происходящее.

– В этом нет необходимости, – решительно заявила она. – Я способна продолжить Конклав. Я просто хотела бы, чтобы собравшиеся рассмотрели мое...

– Но Нара, – перебила ее Аба, – мне кажется, это нападение на тебя, стоит признать, может быть компрометирующим.

Наранпа вскинула брови:

– Что?

– Разговоры, которые ты ведешь, о реформах, людях и разрушении наших древних и священных традиций? Вполне возможно, что тебя пытаются убить именно из-за них. А если это так, может, тебе стоит отказаться от своего звания? Для твоей же безопасности.

Наранпа потрясенно сморгнула. Аба только что предложила ей отречься? Передать звание Жреца Солнца кому-то другому *для ее же собственной безопасности*? Но Жрец Солнца служит до смерти. Добровольно отказаться от своего

звания? Этого никогда не будет.

– Мне бы не хотелось этого признавать, – заявил Хайсан со своего места на севере, – но Аба, возможно, в чем-то права.

Наранпа бросила пораженный взгляд на старика:

– Ты думаешь, я заслужила смерти за свои реформы?

– Небеса, нет! Я хотел сказать...

– А как насчет твоих сомнительных связей с Утробой Койота? – мягко поинтересовалась Аба.

Наранпа повернулась к женщине, ее шок перерос в панику. Две мысли бились у нее в голове. Что она творит? И как Аба узнала?

– Я не понимаю, о чем ты.

– Извини, Нара. – На лице Абы появилась искренняя симпатия. – Не хочу касаться твоих неприятных воспоминаний или напоминать тебе о сложных временах, но твой брат? Тот, который еще жив? Разве он не преступник из Утробы Койота? И разве второй твой брат не убит? Я не задумывалась об этом раньше, но разве не может быть так, что то, что произошло сегодня... и раньше... связано с твоей семьей?

Аба знала о предыдущей попытке убийства? Получается, у нее были шпионы и в рядах адептов тцийо? И теперь она открыто говорит об этом на Конклаве. Иктан ответит за это.

– Оба мои брата мертвы, – безразлично сказала Наранпа, стараясь, чтобы голос не выдал ее эмоций. Она никак не могла справиться с дрожащими руками, так что скрестила их на

груди и спрятала в рукава мантии.

– Ну, мы знаем, что это неправда, – парировала Аба, подпустив в голос ледяных ноток.

– Для меня это правда. – Ее голос был холоден, хотя ярость была готова вырваться наружу, уничтожив маску спокойствия. Поднимать вопрос о ее семье? Об Утробе? Она отрекалась от всего этого. Прошрое в прошлом. Семейные связи забыты ради божественных, как справедливо напомнил Иктан только вчера.

– Ох, возможно, мы отклонились от обсуждаемой темы, – вмешался успокаивающий голос Хайсана.

Наранпа кипела от злости. О, они зашли слишком далеко *только теперь?*

– Я не думаю... – начала она.

– В этом кругу мы можем говорить свободно, не так ли? – Аба повысила голос. – Здесь мы все родичи, и никто из нас не преступник.

– Отвали, Аба! – огрызнулась она.

– Наранпа! – резко возмутился Хайсан.

Наранпа с трудом сдержала крик. Умом она понимала, что Аба пытается вовлечь ее в бой, она видела это столь же ясно, как летнее солнце. Она знала, что Аба, несмотря на всю ее молодость, принадлежала к лагерю традиционалистов, но это открытое нападение было за гранью приличия.

И хуже всего то, что Наранпа каким-то образом позволила девятнадцатилетней девушке перехитрить ее. И это обжига-

ло сильней всего.

Она посмотрела через весь круг на Иктана. Настоящего Иктана, стоящего во втором ряду за самозванцем. *Скажи что-нибудь!* – сердито подумала она. Но разве она не просила его не вмешиваться, позволить ей самой сражаться в ее битвах? И если он сейчас заговорит, все поймут, что он обманывал их. Нет, она была сама по себе. Так что прежде чем спасти себя из пропасти, предстояло вернуть свое достоинство.

– Мои искренние извинения, – она склонила голову к Абе. – Похоже, сегодняшние события действительно выбили меня из колеи. Хайсан, если сегодня ночью ты сказал все, что нужно, давайте завершим наше собрание и завтра встретимся снова, чтобы продолжить.

Суматоха у западной двери привлекла их внимание. Повернулись все, даже Аба, которой пришлось вытянуть шею, чтоб увидеть.

Прислуга. Тяжело дышит и вся в поту, как будто пришлось взбежать по лестнице.

– В чем дело? – рывкнула Наранпа: несмотря на то, что сейчас она изо всех сил показывала, как она спокойна, ее самообладание было хорошо потрепано. – Почему ты беспокоишь Конклав?

– Мои извинения, Жрец Солнца, – задыхаясь, сказала девочка. – Но у меня новости. Трагические новости. Матрона Воронов, матрона Ятлиза!

– Да? – Наранпа вспомнила виденную днем раньше обряженную в черное платье худую женщину – пусть и мрачную, но полную достоинства. – Что с ней?

Прислуга колебалась.

– Говори, дитя, – подтолкнула ее Наранпа.

– Приношу извинения за дурные вести, – сказала она. – Но Ятлиза Черная Ворона мертва.

Глава 10

Город Това

325 год Солнца

(19 дней до Конвергенции)

Так же как Кьюкола ценит священную силу семи, так и тованцы почитают число четыре. Это видно и по количеству Созданных Небесами кланов, которых четыре, и по жреческим орденам Наблюдателей, которых также четыре. Орден Наблюдателей – лекари, убийцы, историки и оракулы, при этом самое высокое место в иерархии удерживает оракул. Я слышал, что оракулу запрещено предсказывать собственную судьбу, но это кажется маловероятным. Какая польза от силы читать небеса, если ты не можешь повернуть это себе на пользу?

Отчет по заказу Семи Торговых правителей Кьюколы, составленный Ютиком, путешественником из Бараха

По толпе прокатился потрясенный шепот, и даже Аба выглядела потрясенной. Матрона убита? Конечно нет, и в этот же день произошло покушение на жизнь Жреца Солнца? Это не могло быть простым совпадением.

Но Наранпа прежде всего подумала об огромной ноющей дыре в сердце Черных Ворон. Матрона мертва, а значит, одно из четырех мест гражданского руководства свободно. За

этим несомненно последуют беспорядки. Культисты ухватятся за смерть Матроны, как за признак чего-то гнусного, и, скорее всего, обвинят во всем башню. Остальные Созданные Небесами кланы должны действовать, и они должны действовать быстро, – для того чтобы заверить людей, что все будет продолжаться как обычно, а тот, кто сделал это, будет привлечен к ответственности.

И жречество должно посодействовать этому.

– Адепты свободны. – Наранпа перехватила контроль над собранием. – Жрецы, вы останьтесь. И ты тоже, – обратилась она к прислуге, принесшей весть.

Это заняло всего мгновение, но адепты подчинились, поспешив прочь из залы и недоверчиво переговариваясь громкими голосами. Хайсан приблизился к Жрецу Солнца вместе с Абой, которая, на удивление, не стала спорить, что Наранпа взяла Конклав под контроль. Иктан же, успевший за время ухода всех адептов забрать свою маску, сейчас держал ее в руках, как будто это он носил ее несколько мгновений назад, тоже подошел к ним.

– Как она была убита? – спросила Наранпа у прислуги.

– У-убита?

– Да. Кто убил ее? Это известно?

– Н-нет, Жрец Солнца, я имею в виду... нет... Ее никто не убивал.

Наранпа ошеломленно уставилась на нее:

– Извини, что?

– Посланник от Черных Ворон сообщил, что она была найдена мертвой в своей постели. Никто не говорил, что ее убили.

Наранпа сделала глубокий громкий вздох, ей казалось, что часть ее духа улетучилась вместе с дыханием. Чувствовала ли она облегчение от того, что в городе не гулял на свободе еще один убийца? Или это было разочарование, что в то мгновение, когда она была уверена в убийстве Ятлизы, она могла бы убедить других жрецов, что Аба и ее непристойные намеки на семью Наранпы были совершенно неуместны? И то и другое, поняла она.

– Расскажи нам все, что известно, – приказал прислуге Иктан. – С самого начала.

Девушка, явно нервничая, шумно сглотнула и, заикаясь, начала свой рассказ.

Наранпа слушала вполуха. Она понимала, что должна быть внимательной, но на самом деле, если женщина умерла во сне в постели, то какой в этом смысл? Город будет скорбеть, и она, Жрец Солнца, должна будет возглавить эту скорбь. Одни только похороны потребуют несколько дней на подготовку и составление звездной карты для умершей, но Хайсан найдет правильные слова, чтоб спеть ей хвалу, и для Эче, ее протеже, который крайне хотел руководить, ну, для него найдется много работы.

Девушка тихо всплинула, и Аба, сочувственно кивнув, обняла ее, провожая к двери.

Вернувшись, Аба, заламывая руки и выглядя совершенно искренней, спросила:

– Что нам делать?

– Мы готовимся к похоронам, – ответила Наранпа.

– Но Заккрытие... – начал было Хайсан.

– О, да пусть катится это Заккрытие, – раздраженно откликнулся Иктан. – Будем умерщвлять себя ради умершей женщины или ради солнца, какая разница?

– Это богохульство! – выпалил Хайсан.

– Ну да. И что дальше?

– Достаточно! – воскликнула Наранпа. – Оба вы! – Она глубоко вздохнула. – Мы должны работать вместе! – Она оглядела неплотный круг, образованный ими, и, когда ни один не возразил, продолжила: – Как и положено, через четыре дня мы начнем государственные похороны. Просто должно быть сделано исключение из правил, которые регулируют поведение жречества во время Закрытия.

– А как насчет управления Черными Воронами? – тихо спросила Аба. – Кто удержит их от беспорядков?

– Разве у нее нет дочери? – поинтересовался Иктан.

– Сын и дочь, – согласился Хайсан. – Дочь здесь, в Великом Доме в Куне, и сын – насколько я понимаю – на трехлетних тренировках в Хукайе, готовится стать ее Щитом.

– В военном колледже? – с любопытством уточнила Наранпа. – Он тоже звериный наездник?

– Да, я полагаю.

Значит, воин. Хотя последние сто лет было бы неправильно называть школу в Хукайе военным колледжем. Там все еще учили стратегии и рукопашному бою, но уже целый век молодежь не обучали повелевать армиями. По договору Хукайи, Созданные Небесами должны были отправлять небольшое количество молодежи обучаться в военном колледже способам ведения военных действий, но по большей части обучение считалось церемониальным, поскольку с тех пор, как более трех сотен лет назад был подписан договор, кланы не вели войн. Направленная в Хукайю молодежь использовала навыки, чтобы стать вооруженными сопровождающими и телохранителями, называемыми Щитами для могущественных матрон в каждом из кланов. Скорее защитниками, чем солдатами, но от этого не менее грозными.

– Тебе придется помазать дочь, Нара, – сказал Иктан. – Мы можем организовать церемонию сразу после похорон.

– Неблагоприятное время, – посетовал Хайсан. – Твое неуважение к традициям, Наранпа, уже вызывает споры. Инвеститура матроны, проведенная в дни до солнцестояния, пока мы находимся на Закрытии, не будет пользоваться популярностью.

Она потерла рукой лоб. Инвеститура новой матроны – одна из старейших обязанностей Жреца Солнца.

– И что ты предлагаешь?

– Подождать до окончания солнцестояния, – настаивал Хайсан.

– И оставить место матроны пустым? – запротестовала Аба. – Черных Ворон без руководителя? Совет Ораторов без необходимой четверки?

– Только на короткое время.

– Двадцать дней! – возразила Аба. – Этого времени достаточно, чтобы определенные фракции набрали силу, пока Совет Ораторов стреножен.

– Девятнадцать, – бессмысленно поправил ее Иктан. – Скоро взойдет солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.